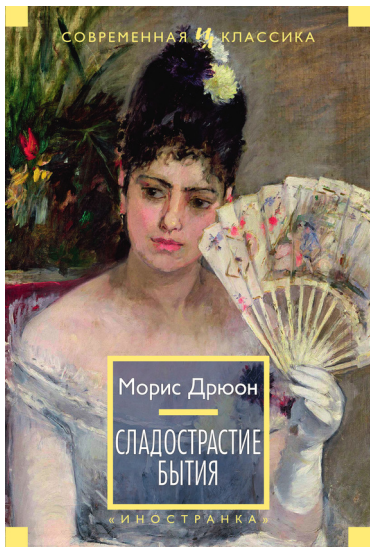

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

Морис Дрюон
СЛАДОСТРАСТИЕ
БЫТИЯ

«ИНОСТРАНКА»

Морис Дрюон
Сладострастие бытия (сборник)
Серия «Иностранная литература.
Современная классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11630203

*Сладострастие бытия : роман, рассказы / Морис Дрюон: Иностранка, Азбука-Амтикус; Москва;
2015*

ISBN 978-5-389-10439-6

Аннотация

«Она была мечтой поэта... подайте ж милостыню ей», – поется в старинном романсе. По сути, это и есть краткое резюме прелестного романа Мориса Дрюона «Сладострастие бытия», где образ главной героини, графини Лукреции Санциани, навеян реальной женщиной – маркизой Луизой Казати, красавицей, много лет повергавшей в трепет всю Европу. В романе это эксцентричная, почти отрешенная от действительности пожилая дама, для которой сладострастие бытия, некогда пронизывавшее каждую секунду фантастической жизни, сменилось сладостными воспоминаниями, ставшими для нее единственной реальностью.

В настоящее издание также вошли сочные, яркие, полные выдумки рассказы М. Дрюона из сборников «Повелители просторов», «Счастье одних», «Несчастье других», созданные писателем в русле великой традиции французской новеллистики. Именно произведения малых форм предвосхитили литературный успех мастера.

Содержание

Сладострастие бытия[1]	5
От автора	5
Часть первая	11
Глава I	11
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	30
Глава VIII	33
Глава IX	37
Глава X	39
Глава XI	42
Глава XII	46
Глава XIII	48
Глава XIV	51
Глава XV	54
Часть вторая	58
Глава I	58
Глава II	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Морис Дрюон

Сладострастие бытия (сборник)

Maurice Druon
LA VOLUPTE D'ETRE
Copyright © 1967 by Maurice Druon

Maurice Druon
LE BONHEUR DES UNS
Copyright © 1965 by Maurice Druon

© В. Егоров, перевод, 2009

© С. Васильева, перевод, 2010

© О. Егорова, перевод, 2010

© Л. Ефимов, перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

Сладострастие бытия¹

От автора

Не будучи уверен в том, что при нынешнем состоянии умов читательская аудитория сразу же и правильно поймет идею этого произведения, я полагаю, что должен дать читателю предварительное объяснение.

В данном романе я постарался рассмотреть вопрос о положении женщин, истинным общественным призванием которых является любовь, в обществе, которое не признает за ними это положение.

В Древнем мире женщины делились на две совершенно противоположные категории: они были либо матронами, либо куртизанками. И те и другие занимали одинаково известное и уважаемое положение в обществе.

В Египте времен правления фараонов куртизанки были частью духовенства наравне с певицами, танцовщицами и музыкантшами, и их часто путали. Объединенные в священные товарищества, они предназначались исключительно для священнослужителей, этих всесторонне образованных людей, которые предreshали поступки людей, ссылаясь на изменения, происходящие в космосе.

Хорошо известно, какое место занимали греческие куртизанки при писателях, художниках и государственных деятелях. Некоторые из них стали столь известными, что до нас дошли их имена. А ведь для того, чтобы эту известность завоевать, им приходилось выдерживать яростную конкуренцию и привлекать к себе общественное внимание.

Генералы могут прославиться только на войне. История Средних веков изобилует именами известных полководцев и предсказателей, но не дает нам имен куртизанок. Броня и сутана приводят к загрязнению как тела, так и ума, не располагая ни к искусству, ни к любви, ни тем более к искусству любви. И женщины, которые чувствовали, что призваны к чему-то другому, кроме материнства, имели весьма скудный выбор, скорее альтернативу: или искать приключений на войне, или же укрыться в монастыре в поисках приключений мистических.

Но когда передовые люди эпохи Возрождения взялись за дело облагораживания общества и избавления его от средневекового скотства, когда они стали пытаться откопать Платона из-под завалов Евангелий, когда они нарисовали изображение Гермеса Трисмегиста на каменных плитах храмов, — вот тогда положение куртизанки как естественного явления развития общества вновь проявилось в полном блеске.

Любовницы пап римских и кардиналов стали тем, чем были великие гетеры Древнего мира, а когда дважды король Генрих Третий, бросив один престол для того, чтобы занять другой, сделал остановку в Венеции, свой первый официальный визит он нанес самой известной куртизанке того времени, которая приняла его в окружении собственного двора и подарила ему специально ею для него сочиненный сонет. И только потом королем завладели матроны, отбившие его у «флейтисток».

Где же теперь куртизанки былых времен?

В Японии гейши, эти особы, специально обученные искусству нравиться и поддерживать компанию, продолжают объединяться в некую корпорацию. Они требуют к себе почтения, их тело не может быть предметом закулисных сделок, для них занятие любовью,

¹ Перевод В. Егорова.

не будучи обязательным атрибутом профессии, является как бы венцом изысканно-учтивой церемонии. Они принимают гостей у себя дома или же выезжают в другое место в городе, угощают чаем, поют, читают стихи, а потом, если гость проявит такое желание, могут согласиться заняться любовью.

В Индии в наши дни баядерка занимает положение, довольно схожее с тем, которое занимали в Древнем Египте священные гетеры. Они закреплены за определенным храмом, привязаны к определенному богослужению, но ведут себя точно так же, хотя и делают это тайком, на частных праздниках. Их дети мужского пола становятся музыкантами, а девочки, как и матери, баядерками. Если можно так выразиться, они, поколение за поколением, являются внебрачными детьми, и это, очевидно, связано со священной традицией, равно как и любовные услуги, которые они оказывают путникам. Их любовное искусство наполнено традициями, как традиционны и их позы и все жесты их танцев. И надо быть мужланами, такими, как мы есть или какими нас сделали, чтобы краснеть или улыбаться при виде эротических поз фигурок горельефов храмов, метафизический смысл которых остается для нас непонятным.

Неужели на Западе куртизанки выродились? Конечно же нет! Но в обществе, которое отказывается признать их существование, где такие женщины принуждены радоваться уже тому, что их терпят, где они живут если не вне закона, то по крайней мере в обстановке всеобщего порицания и довольно подлого презрения со стороны тех самых мужчин, которые так в них нуждаются, женщины устроились так, как смогли.

Они были фаворитками королей, пока им везло и были еще на свете короли, интриганками в периоды революционных потрясений, чаровницами во времена Директории, романтическими Лореттами, искательницами приключений первых лет покорения Нового Света, львицами времен Второй империи. Они цеплялись за всякие перемены в истории с упорством угнетенного меньшинства. По крайней мере те, у кого достало смелости, и те, кто взял на вооружение такое средство, как скандалы, которые сами же и провоцировали. Но у скольких других пропало призвание к свободной любви, которое было подавлено страхом перед осуждением общества!

Сегодня те женщины, в ком говорит естество куртизанки, те, что стараются любой ценой заниматься среди нас этим ремеслом, и являются чаще всего теми постоянно неуравновешенными, вечно неудовлетворенными созданиями, которые разводятся по шесть раз или же вообще не выходят замуж, ненавидят своих мужей, которых считают недостойными их верности, изводят любовников, никогда им всецело не принадлежавших, без конца мечтают о приобретении буржуазного благополучия, к которому сами никак не могут приспособиться, но без которого не могут и жить. Они пробуют себя на двух десятках различных работ, сеют везде, где появляются, раздор и драму и, имея, как говорится, «все для того, чтобы быть счастливыми», счастья не знают по причине того, что нет у них достойного их общественного положения и не могут они заниматься профессией по призванию, не покрыв себя позором.

И однако, именно среди таких вот женщин встречаются самые привлекательные.

Не надо путать куртизанку с проституткой. Путаницу в эти понятия внесли почтенные матроны. Екатерина Медичи, например, назвала Диану де Пуатье шлюхой.

Проститутка является рабыней, которая продает сама себя на постоянно действующем рынке. Она представляет собой типичный образчик последней уцелевшей формы рабства. Проститутка – «раба телом», которая подчинена мужчине – не какому-то конкретному, а мужчине вообще, – являющемуся ее покорителем и повелителем. Она, как рабыня Древнего мира, не имеет ни честолюбия, ни особых надежд на будущее, и точно так же,

как рабыню, ее доводят до этого состояния комплекс причин экономического характера и жизненные неудачи. Проституция – это отказ от личного счастья.

Куртизанка же, напротив, является женщиной свободной; она мыслит себя таковой и хочет всегда свободной оставаться. Она во всяком случае намного свободнее женщин замужних.

Если ей и случается – в начале карьеры или в трудные минуты жизни – отдаваться за деньги мужчинам, которые ей совсем не нравятся, она всегда может сказать, что огромное число честных жен заключают подобные сделки каждый вечер в постелях с мужьями, которых они не любят, но которые обеспечивают их существование. Куртизанка живет за счет своих чар так же, как художник живет за счет своих картин, уступая их любителям; и куртизанка так же дарит свои чары друзьям. Но спутать ее с проституткой – это все равно что спутать полотно кисти Веронезе со стеной, покрашенной маляром.

Для проститутки занятие любовью – это ремесло. Для куртизанки – искусство. Кому-то, возможно, не нравится само слово «куртизанка» из-за того, что оно было неоднократно дискредитировано. Но ведь называют же танцовщицами или певицами женщин, занимающихся танцами и пением, и, следовательно, надо называть любовницами тех, кто занимается любовью как искусством.

Получение денег еще не значит, что женщина стала куртизанкой. Очень многие женщины, живущие на содержании у мужчин, являются всего лишь неудавшимися женами.

Куртизанка по природе своей не продажна. Она любит деньги, пока они дают ей власть, поскольку деньги позволяют ей быть королевой и потому что истраченные на нее состояния и происходящие из-за нее разорения являются атрибутами всенародного признания ценности ее особы. Роскошь для нее не только удовольствие, это ее достоинство, подтверждение ее ранга, как для принцев пышность.

Но ее, естественно, привлекает все королевское: талант, власть, рекорды атлетов, геройские поступки, слава, гениальность. Она – прирожденная спутница всего того, что одерживает верх и не повторяется.

Куртизанками становятся не в результате воздействия окружения, а по причине особого темперамента и глубокой натуры. Куртизанка может родиться как на ферме, так и в замке, как в буржуазной квартире где-нибудь в долине Монсо, так и в рабочем предместье. Из двух сестер, воспитанных в одинаковых условиях, одна может стать примерной женой, а другая – куртизанкой. Почему? Психологи дадут на этот вопрос один ответ, а астрологи, возможно, другой. А для того чтобы получить исчерпывающий ответ, надо будет разгадать секрет хромосом.

После окончания первой войны этого века места куртизанок все чаще занимают светские женщины, которые приносят в эту профессию новые высокие оттенки. Вымученная аристократия, из среды которой они выходят, теряя с каждым годом свое значение в обществе с установившимся порядком, с очень большим небрежением требует от этих женщин соблюдения моральных норм, гарантирующих поддержание указанного порядка. Праздные наследницы традиционной утонченности, воспитанные или умело выдающие себя за таковых, часто обладающие к тому же личными средствами к существованию (некоторые из этих женщин ни разу в жизни не взяли от мужчин ни единого су), очень рассердились бы, если бы кто-нибудь назвал их подлинными именами: добровольные гетеры. Другие, считающие себя ничем мужчинам не обязанными, потому что отказываются принимать от мужчин чеки, хотя принимают драгоценности, которые затем продают, а также те, которые полагают совершенно нормальным то, что мужчины оплачивают их дорогостоящие удовольствия, «потому что они их любят», оскорбились бы еще сильнее, если бы и их причислили к этой корпорации. Любая содержанка считает себя морально выше всех других женщин, живущих

на содержании мужчин, ибо она не знает, за что именно ценят себя и уважают эти другие женщины.

Следует добавить, что мужчины начинают платить все меньше и меньше, кроме как другим мужчинам. В наше время великими созданиями, живущими на содержании, являются гомосексуалисты. И именно некоторым «увлеченным» молодым людям – которые умудряются прожить за счет этого «увлечения» гораздо дольше юношеских лет – сегодня достаются, и это ни для кого не секрет, шикарные машины, огромные дома, богатые особняки, виллы на модных взморьях. Это для них миллиардерши-дилетантки устраивают балы, празднества, которые являются не чем иным, как триумфом ничтожеств, на которых деньги льются рекой, на которых те блистают только одно мгновение. Некоторые из этих эфебов, повзрослев, присваивают себе фальшивые титулы, подобно тому как кокетки украшают себя фальшивыми драгоценностями; под этими лжетитулами они и входят в галантную хронику. Эти франты, пребывая в возбуждении от собственной чрезмерной напыщенности, некоторым образом влияют на вкусы и определяют развитие моды; экстравагантность – неотъемлемая сторона их ремесла. Отношение женщин к ним просто удивительно: женщины над ними насмеются, но сами вертятся вокруг них, образуют при них раздраженно-завистливые кортежи; они являются настоящими «королевами», несмотря на неодобрительное отношение к ним женщин, чьи права и доходы они узурпируют.

Не оттого ли это происходит, что женщины оставили вакантными некоторые роли, иные профессии, которые раньше принадлежали только им, и посему, за неимением претенденток, места эти сегодня оказались заняты подобными травести?

Вовсе не похожая на проститутку, куртизанка, «жрица любви», сродни актрисе, примадонне, звезде. И здесь-то более, чем где-либо, очень трудно провести разграничительную линию. Куртизанка, как и актриса, должна нравиться, блистать, привлекать к себе всеобщее внимание. Она также зависит от постоянного выбора и нуждается в одобрении и восхищении других для того, чтобы быть уверенной в собственном превосходстве над другими, в своем успехе. И она вынуждена не только принимать тяжелое бремя известности, но и сама искать эту светскую известность, а посему она живет в условиях постоянной саморекламы. Если почтенная матрона покажется на людях небрежно одетой, она от этого быть матроной не перестанет. А куртизанка не может позволить себе подобную выходку: это было бы равносильно тому, что актриса вдруг появится на сцене, забыв надеть костюм своей героини.

Эти обе профессии характеризуются очень схожими устремлениями и поэтому требуют обладания схожими дарованиями. Многие куртизанки, чтобы испытать свои силы, пытаются играть на сцене, равно как ряды куртизанок часто пополняются неудачницами сцены. Некоторые женщины умудряются добиваться успеха в обеих профессиях одновременно. И когда какой-нибудь глава государства направляется за кулисы, чтобы поздравить какую-то актрису, чья жизнь подробно освещена во многих журналах, рискуя отставкой с поста государственного служащего, он, по сути дела, поступает точно так же, как Генрих III.

Заметим также, что лиц, прославившихся на любовном поприще, будь то мужчина или женщина, ничуть не больше среди людей их поколения, чем великих драматических актеров и государственных деятелей. Лицо века определяют очень немногие личности.

Можно легко допустить, что матроны относятся к куртизанкам с ревностью и ненавистью. У куртизанок есть все, чему матроны завидуют: успех, роскошь, отсутствие монотонности существования, свобода выбора партнеров для занятия любовью. Но матронам следовало бы быть признательными куртизанкам, поскольку те, сами того не осознавая, работают на благо матрон.

Ведь если законные жены освобождены сегодня от многих ограничений, если могут они пользоваться косметикой, носить тонкое белье, посещать без мужей общественные места, то этим они обязаны исключительно дамам «полусвета» начала века. Те, приняв на себя потоки оскорблений, пробили брешь в стене строгости или глупости нравов.

Каждая женщина, стоит ее только выслушать, охотно дает понять, что в глубине души является куртизанкой и что, пожелай она...

У каждого мужчины в душе есть уголок, где живет поэт. Но до Гёте им столь же далеко, как мыльной пене в тазике для стирки белья далеко до океанской пены.

На деле разграничение между матронами и куртизанками лежит в различии между отношениями к зачатию и к любви.

Древние цивилизации считали занятия наукой, искусством и любовью священными, что, собственно, является чисто человеческими ценностями. И это идет вразрез с христианской концепцией. Поскольку основоположники христианства, выдавая демографические потребности за волю Божию (эта ошибка идет из Библии), навязали Западу самую что ни на есть собачью половую мораль, призывая людей совокупляться только лишь для того, чтобы размножаться, то есть продлевать род. Реформация, отменив некоторые запреты и догмы, не сумела все-таки освободить людей от этого постулата о размножении. Буржуазия, даже не будучи верующей, воспользовалась церковью и навязанной ею моралью для сохранения своих привилегий – и только повторила эту ошибку. Сегодня мы представляем себе, что мы очень свободны и не подвластны обычаям. Но в любви мы не больше чем застенчивые, стыдливые и неловкие неучи по сравнению с древними.

Занятие любовью ради самой любви, ради получения наслаждения и достижения блаженства, которые доставляет это искусство, сохраняет для подавляющего большинства людей некий оттенок греховности, привкус запретного. Нам твердят, что ад расположен где-то в области таза. Но вот уже две тысячи лет «жрицы любви» ведут правую войну против этого ада.

Потомство, когда оно действительно желанно, пока оно не выступает как фатальная неизбежность, как действие биологического закона (а ведь человеческое существо имеет еще достаточно силы, чтобы побороть эту неизбежность), всегда является свидетельством неудовлетворенности, неумения самовыразиться, уступкой будущему. В желании продлить свой род и даже в самом согласии иметь потомство всегда есть некий оттенок капитуляции перед судьбой.

Люди, желающие иметь детей, чаще всего хотят, чтобы их потомки жили лучше, чем живут они сами, чтобы их чада смогли добиться в жизни того, чего они не добились сами, чтобы они продлили их род после их исчезновения, которое приводит их в ужас. Или же если они так не думают, то повинуются силе, которая превыше их.

Но люди, чувствующие, что сами держат в руках свою судьбу, не боящиеся смерти, не испытывают потребности в размножении.

Кстати, можно было заметить, что гений никогда не порождает гения. Рождаются от него самое большее биографы отца, участники памятных церемоний, которые получают в наследство должность потомков гения, подобно тому как получают в наследство банк или землю, не имея никакой возможности от этого отделаться. Но никогда у этих детей не случалось чего-то вроде совпадения способностей, характера и обстоятельств, которое позволяет сотворить великое произведение, сделать великое открытие или совершить великое путешествие.

В Византии членов императорской семьи кастрировали, когда исключительные способности выводили их на высокие посты в государстве, для того чтобы не было путаницы между их личным престижем и естественной обязанностью являться воплощением идеи

империи. И они становились стерильными, но отнюдь не слабыми. Это имело место в первые века христианства и происходило с одобрения епископов, но церковь про это забыла.

Кажется, что род людской поступает так, что, с одной стороны, через максимальное число своих членов он постоянно размножается с целью постоянного улучшения своего положения, все более полного удовлетворения своих желаний, необозримого расширения своего владычества, а с другой стороны, в рамках каждого поколения в ограниченном числе индивидуумов он демонстрирует этапы своего восхождения и подводит итоги последовательному воплощению в жизнь своей цели и, соответственно, своим успехам.

Другими словами, человечество, начав работу над созданием божественного сверхчеловека, не имеющего пределов могущества, не пресыщающегося своим счастьем и способного в конечном счете переделать вселенную, оставляет на своем пути частичные заготовки, образчики такого сверхчеловека в качестве многообещающих доказательств прошлых своих успехов и отправных точек своих будущих свершений.

Любовь, рассматриваемая как высочайшее свершение, как спокойное и постоянное блаженство, свободное от каких бы то ни было проекций в будущее, является одним из идеальных качеств сверхчеловека.

Замужние женщины являются чистилищем человеческого рода, а куртизанки – его раем или по крайней мере ступеньками в этот рай.

Требовательные к жизни, потому что любят в первую очередь самих себя, знающие тончайшие приемы получения наслаждения, способные извлекать из собственной плоти и из плоти других неисчерпаемые вариации и богатства музыки, склонные к любому наслаждению и принимающие любовь за то, чем она на самом деле является – великим актом, находящим свой конец в самом себе, – куртизанки созданы для того, чтобы испытать сладострастие бытия и поделиться им с мужчинами их породы.

Наше время не благоприятствует жрицам любви. Мир захлестнула гигантская волна стыдливости, хотя мы сами этого почти не осознаем. Буржуазное общество, готовое пасть, пытается защитить себя, навязывая людям строгое соблюдение старых запретов. В арсенале своего законодательства и в церковной ризнице оно может откопать только те приемы, которые ему когда-то помогли, и поэтому оно продолжает вещать, что обман – это правосудие, а изобилие – грех.

Что же касается вновь зарождающегося общества, то оно пока полностью занято самосозиданием, целиком устремлено в коллективное будущее, все его силы непременно потребуются для формирования более счастливого поколения людей. У него неотложная задача: оно не может пока допустить, чтобы индивидуум жил для самого себя. И оно по-своему впало в «грех Онана».

И любовь, как щемящая тайна нашего происхождения и нашего конца, является одним из тех вопросов, которые менее всего освещены диалектическим материализмом. Будучи не в состоянии дать ответ, материализм – и это вполне возможно – не найдет ничего лучшего, как взять на вооружение в этом вопросе мораль старого прогнившего общества.

Кому-то, вероятно, покажется удивительным то, что сюжет романтического произведения стал поводом для подобных размышлений или же их результатом. Но ведь роман – это иногда и способ постановки под легкой кисеей выдумки некоторых аспектов важной проблемы.

А ведь неудовлетворенность в любви – третья по значимости (после смерти и голода) проблема, которая очень волнует человечество.

Часть первая

Глава I

На столе перед нотариусом лежала перчатка из шкуры пантеры: странного вида лапа с черной бархатной ладошкой. И бархат этот был так потерт, что на нем выступили нитки основы, словно линии судьбы. А пестрый мех на пальцах с тыльной стороны этой длинной перчатки местами был протерт до самой кожи.

Эксцентричность хороша, только когда она нова. А докатившись до нищеты, она приобретает какой-то жалкий и одновременно пугающий оттенок.

Нотариус никак не мог побороть в себе желание ежесекундно переводить взгляд на эту лапу мертвой кошки, эту перчатку укротительницы, которую его клиентка сняла с руки и бросила на стол властным жестом. Ему хотелось сдвинуть этот предмет со своих бумаг, но одновременно он чувствовал отвращение, которое часто возникает у людей и не дает им притронуться к чучелам животных. Его клиентка вслух зачитывала текст документа, написанного черными чернилами и крупными буквами на листках разного формата: на плотных, похожих на пергамент листах бумаги со штампами известнейших европейских отелей, на обратной стороне извещений о смерти, окантованных траурными рамками.

– Я завещаю, – произносила она, – подаренную мне кайзером диадему с бриллиантами принцессе Долабелле, она знает почему. Мое ожерелье, мои жемчуга, браслеты, перстни, броши, а также все другие мои украшения я завещаю передать моей верной подруге Жанне Бласто, с тем чтобы она носила их в память обо мне. Исключение составляет изумрудный гарнитур, доставшийся мне от семейства Торвомани, родственников моего отца по второму его браку: этот гарнитур я завещаю моей сводной сестре Франке...

«Очень любопытно, – подумал нотариус, – очень любопытно».

– Синьора графиня, – сказал он вслух, – простите, что я вас перебую, но...

– Что такое?

– Все эти драгоценности еще у вас? – мягко поинтересовался он.

Лукреция Санциани на мгновение подняла к нему свое крупное лицо, на котором было написано трагическое выражение. Слышала ли она его?

«Может быть, она из тех старух, которые прикидываются бедными и умирают на набитой деньгами кровати? Примеров тому немало...» Но тут он услышал:

– Я завещаю «Ка Леони», «Дом львов» в Венеции...

– Какой «Ка Леони»?

– Существует только один с таким названием.

– Тот огромный одноэтажный дворец на Большом канале, который так и не был достроен? Но помилуйте, синьора графиня, я слышал, что вы некогда снимали этот дворец, однако я всегда был уверен в том, что он никогда вам не принадлежал.

– Я там жила, – высокомерно ответила она.

– Согласен. Но я немного знаю Венецию, и, если сведения мои верны, его нынешней владелицей является некая американка...

На сей раз она посмотрела ему в глаза.

– Я не знаю, что с ним потом произошло, – произнесла она. – Обговорите это с моими доверенными лицами... Я завещаю, – повторила она, – «Ка Леони» герцогине де Сальви-монте...

Нотариус подался вперед.

– Как вы сказали? – прошептал он.

Ведь он лично три года назад занимался делом о разделе наследства покойной герцогини де Сальвимонте, вышедшей второй раз замуж в весьма преклонном возрасте за молодого барона Шудлера. Эта свадьба наделала очень много шума...

– А как давно, графиня, вы составили это завещание? – спросил он.

– Вчера.

Она посмотрела на него как-то странно, одновременно настойчиво и рассеянно. Глаза у нее были фантастически огромными, темными, удлинненными к вискам; такие глаза можно видеть на полотнах некоторых сиенских мастеров. Глаза эти были когда-то восхитительны, они и ныне хранили будоражащий блеск былых побед. Смущенный нотариус потупил взор и умолк.

Оглашение необычайного завещания продолжилось. Вилла в Тоскане, замок в Ильде-Франс, богатые серебряные изделия, вся обстановка квартиры в Лондоне, бесценные полотна мастеров, среди которых были картины Сассетты, «Благовещение» Верроккьо, два этюда Перуджино к фреске «Сивиллы» в Колледжо дель Камбио, греческие мраморные статуи, «мои борзые Отелло, Фальстаф, Ариэль и Пак», коллекция античных инталий, – все это было распределено между представителями высшего света, проживавшими в трех столицах, между известными некогда артистами, малоизвестными друзьями и даже поставщиками. Интересно, за какие давно оказанные услуги дарила она какому-то парикмахеру с улицы Мира дорожный несессер, некоей цветочнице из Монте-Карло – шесть кресел в стиле Людовика Пятнадцатого?

И сколько этих иллюзорных наследников уже лежали в могилах?

«Делать нечего, – подумал нотариус. – Никакие доводы не смогут оторвать эту женщину от распределения между живыми и умершими друзьями того, чем она когда-то владела или же просто пользовалась».

И завещала она не свои богатства, а свою жизнь.

Нотариус, решив больше не перебивать ее, стал незаметно тянуть вперед руку, чтобы как бы невзначай отодвинуть подальше от себя эту перчатку, видеть которую с каждой минутой ему становилось все невыносимее. Правда ли, что в Китае людей отравляли мелко нарубленными тигриными усами?

– Вы меня слушаете? – вдруг спросила она.

Он мгновенно отдернул руку.

– Да, и очень внимательно.

– Я завещаю моему дорогому Эдуарду Вильнеру рабочий стол Байрона и оставляю ему также все книжки из моей библиотеки, за исключением его собственных произведений. Я завещаю...

И тут нотариус поймал себя на такой мысли: «А действительно ли я улаживал дело о наследстве этой Сальвимонте? Ну и ну! Это, выходит, заразно?»

Но мог ли он, в конце концов, утверждать, что эта Сальвимонте действительно умерла, что это не приснилось, или не привиделось ему наяву, или он придумал это только что? Он внезапно почувствовал некоторое недомогание, какой-то непонятный страх, вызванный сомнением в реальности прожитых лет. Это было абсурдно! Ему пришлось упрекнуть себя в слабости. «Герцогиня вторично вышла замуж незадолго до начала войны. Скончалась она во Франции в 1941 году. Поэтому борьба за ее наследство смогла начаться только в сорок пятом... Мне надо всего-то вызвать старшего клерка и попросить его принести это досье...»

Склонясь над своими листками бумаги, Лукреция Санциани продолжала перечислять свои сокровища. Прямые, светлые, почти белые волосы выбились из-под сказочного головного убора, естественно сделанного из шкуры пантеры, точно так же как и перчатки и оторочка платья. Он снова услышал:

– Я завещаю итальянскому государству все портреты, рисунки, бюсты и статуи, меня изображающие; они должны быть собраны и выставлены или в галерее Уффици, или же в галерее Боргезе, за исключением статуи скульптора Тиберио Борелли, которую надлежит установить на моей могиле.

Нотариус заерзал в кресле. Решительно, он чувствовал себя не совсем хорошо. Ему уже надоело присутствие этой женщины, которая принимала его за партнера в своей безумной игре. Она принесла в комнату какое-то колдовство. С ее появлением здесь мебель, вещи, лепнина над дверью, ворсинки ковра, ангелочки на мраморной чернильнице – все приобрело какую-то непонятную и странную враждебность.

Да и потом, ему не нравилось, как она на него смотрела; вот и сейчас она взглянула на него так же; ему ужасно не хотелось встречаться взглядом с этими расширенными зрачками, с этими двумя черными колодцами, зияющими на крупном лице, еще неплохо сохранившем свои формы.

«Никто ничего не знает, – подумал он. – Есть существа, которые приносят несчастье, это несомненно. Но как узнать их? Вот является к вам женщина, которую до этого вы не знали, и один только облик ее сеет в вашей душе панику и заставляет вас заслушать составленное ею какое-то бредовое завещание. Почему? Естественно, потому, что вы нотариус. Но почему именно сегодня, а не вчера или на следующей неделе? Никому не известно, в каком обличье расхаживает смерть, стуча в двери домов, так же как не известно, кого она выбирает для передачи своих посланий».

Нотариус потрогал через шелковую рубашку висевшие на шее на тонкой цепочке медальоны и потер слегка заплывшую жиром грудь.

Санциани прервала чтение и принялась рыться в своем мешке из шкуры благородного зверя.

«Что это она? Ищет еще что-то?»

– Вы что-то ищете? – спросил он.

– Сигарету.

Он протянул ей коробку.

– Нет, спасибо, я курю только свои, – сказала она.

Вынув из сумки выкуренную на одну треть сигарету, она прикурила ее от никелированной зажигалки. И тут же снова вернулась к своим бумажкам.

– Я хочу, чтобы меня погребли в Сиенском соборе, в часовне, что слева от поперечного нефа, как это было уже обговорено с архиепископом. Туда же пусть поместят статую работы Борелли. Я прошу также, чтобы тело мое забальзамировали. Я желаю, чтобы меня в гроб положили голой, а рядом со мной пусть положат любовные письма, которые я сохранила, а также произведения Эдуарда Вильнера, на которые вдохновила его я; они перевязаны красной сафьяновой лентой. Я также хочу, чтобы тело мое было укрыто цветами тубероз... Деньги, лежащие на моем счете в банке, использовать для оплаты расходов по моим похоронам, а из того, что останется, половину отдать моей горничной Карлотте, а другую половину поделить поровну между остальными моими слугами... Вот и все. Надеюсь, синьор Тозио, я ничего не забыла и все правильно.

Нет, она ничего не забыла, кроме разве того, что его звали не Тозио, а Павелли и он был преемником Тозио. Ну пусть бы она не знала, как его зовут, но Тозио умер пять лет назад в очень преклонном возрасте. А перед ней сидел молодой человек... ну, скажем, сорокалетний мужчина. Как тут можно было принять одного за другого? Он уже собрался было сказать ей об этом как можно мягче и уже раскрыл было рот, но снова наткнулся на этот волнующий взгляд, который, казалось, пробивал насквозь все, на чем останавливался.

– Так, значит, все в порядке, синьор Тозио?

Произнося это, она умышленно сделала ударение на этом имени.

– Да, конечно, синьора графиня, все в полном порядке.

Она встала. Ростом она была выше нотариуса.

– Ах, совсем забыла... Я ведь хотела оставить что-нибудь и вам лично... Да-да, непременно. Вы были так любезны по отношению ко мне, как и всегда.

– Мадам, – сказал нотариус, поклонившись, – правила нашей профессии запрещают нам брать что-либо из того, что перечислено в доверенном нам завещании.

– Ах так! Но мне этого очень хочется. Может быть, вы примете в качестве сувенира какую-нибудь дорогую безделушку...

Она снова полезла в свою сумочку. Он подумал уже было, а вдруг... и тут же покраснел от стыда за свою глупую надежду.

Она извлекла из сумочки небольшую бутылку и пипетку, потом запрокинула голову и закапала по нескольку капель жидкости в каждый глаз. Натянувшаяся на шее кожа была довольно чистой.

– У вас болят глаза? – спросил нотариус.

– Нет, от этих капель они блестят, – ответила она, пряча пузырек.

Сделав два шага к двери, она обернулась, потом, впервые улыбнувшись за время их встречи, сказала:

– Вы ведь педераст, не так ли?

Он вздрогнул, как будто его ударили в живот. Это она сказала уже не Тозио, а именно ему. Как она догадалась... как она только посмела сказать ему это? Не такая уж она, оказывается, безумная.

– Я в этих вопросах никогда не ошибаюсь, – добавила она. – Мужчины ведут себя со мной совершенно по-другому.

И с залитыми атропином глазами снова направилась к двери.

– Синьора графиня, вы забыли вашу перчатку, – сказал нотариус, кончиками пальцев извлекая безжизненную лапу из-под вороха листов выдуманного завещания.

Глава II

Вслед ей оборачивались, но никто не смеялся.

Есть «бывшие», чей вид внушает жалость, есть и такие, что вызывают насмешки толпы или же просто отвращение. А эта старуха вызывала нечто вроде восхищения.

И люди замедляли свой шаг или обрывали себя на полуслове для того, чтобы проводить взглядом этот необычный труп, удалявшийся по улице Корсо походкой усталой королевы.

Не обращая внимания ни на что: ни на прохожих, ни на рев моторов машин, ни на взрывы выхлопных труб, ни на красные огни светофоров. Этой высокой женщине с белым лицом, казалось, были безразличны и сам тротуар, по которому она шла, и теплое весеннее солнце. Она шла прямо, не мигая глядя перед собой, будто проклятие сделало ее бессмертной.

Необычная бледность придавала ее облику оттенок чего-то сверхъестественного и мифического.

Вся в черном, в шляпе, перчатках и с окантовкой платья из меха пантеры, она, казалось, поднялась из древнегреческого захоронения или была персонажем неизвестной легенды, осужденным вечно носить на земле траур и трофеи некоего полубожества.

Прохожий, шедший в одном с ней направлении, услышал, как она размышляла вслух про нотариуса:

– ...я этого маленького нотариуса. Стоит мне только туда вернуться, и я увижу Тозио. Но нет, никогда я больше не пойду ни к какому нотариусу...

Прохожий посторонился. Она проходила мимо витрины магазина цветов и остановилась, как будто увидела что-то за венками из гладиолусов и роз, на лепестках которых сверкали капельки воды. Затем она вошла в магазинчик.

– Я хочу, чтобы вы отправили ко мне эти цветы, – сказала она продавщице, указав на туберозы, которыми была наполнена высокая металлическая ваза. – В «Альберго ди Спанья», графине Санциани.

– Сколько цветов я должна туда отправить, синьора? – спросила продавщица.

– Все.

– Но там их тридцать штук, синьора, – напомнила цветочница, внимательно разглядывая одежду Санциани.

– Так что же, отправьте все тридцать.

– А кто за них заплатит?

– Портье.

Она вышла. Продавщица, следившая за ней через стекло витрины, увидела, как та сначала смешалась с толпой, а потом вдруг резко вернулась к витрине и посмотрела на магазинчик как-то неуверенно, подняв глаза, как бы не решаясь узнать его.

– Это у вас я только что заказала цветы? – спросила Санциани.

– Да, синьора.

Престарелая дама крикнула внутрь магазинчика:

– Фальстаф, иди сюда, сокровище мое!

После чего, не услышав никакого ответа, спросила:

– А разве я не оставила у вас мою борзую?

– О нет, синьора, вы были без собаки.

– М-да... возможно, – пробормотала она.

– Вы дали мне адрес: отель «Ди Спанья», это верно? – уточнила продавщица цветов.

Тонкие губы Санциани растянулись в рассеянной улыбке.

– Отель «Ди Спанья»... – прошептала она. – Да, все верно.

Она еще раз взглянула на фасад магазинчика.

– Странно, – произнесла она. – Мне казалось, что ваш фасад белого цвета. Я бы не смогла вас найти.

И затем продолжила свой путь и повернула на улицу Кондотти.

По дороге она продолжала свой внутренний монолог, отрывки которого время от времени слетали с ее губ.

Вышедшая из магазина по продаже изделий из сафьяна молодая женщина в белом шелковом платье, на лице которой было столь часто встречающееся у римской знати выражение скуки и абсолютного отсутствия всякой мысли, услышала, как этот высокий труп в шляпе сказал сам себе:

– Все всегда глядели на меня, когда я шла по улице. Я всегда была очень красива.

Немного дальше уличный фотограф, делавший вид, что снимает всех прохожих подряд для того, чтобы затем навязать им свой рекламный проспект, услышал, когда Санциани поравнялась с ним:

– Фальстаф... Почему они все хотят уверить меня в том, что он мертв?

И она прошла дальше, оставляя позади себя шлейф удивления, беспокойства и смущения.

В конце улицы, как бы уходя в небо, возвышалось здание церкви Тринита-деи-Монти, а две ее колокольни, словно два поднятых для благословения пальца, парили над знаменитой лестницей, над лотками цветов, стоявшими на ее ступеньках, и над шумом стареньких зеленых такси, ползавших вокруг фонтана «Лодка» работы скульптора Бернини.

– Сейчас утро или вечер? – прошептала Лукреция Санциани.

Пальцы поднесенной к груди руки не обнаружили на черном бархате платья того предмета, который искали, и это на несколько мгновений привело ее в задумчивость.

– Ах да... – произнесла она.

Походкой усталой королевы она направилась прямо в магазин по продаже старых драгоценностей, что располагался напротив кафе «Греко».

В магазине был один лишь хозяин – лысый старик с голубыми глазами и с белой ухоженной бородкой клинышком.

– Я сегодня утром продала вам часы... – сказала Санциани.

– Да, синьора графиня... – ответил торговец, слегка смутившись.

Ибо эти круглые часики в корпусе из лазурита с усеянным бриллиантами циферблатом, висящие на толстой золотой цепочке, он уже выставил на витрину.

– Да, синьора... – повторил он. – Вы хотите забрать их?

Своими белыми пальцами он нервно теребил дужки очков.

– Нет, – ответила она. – Я пришла не за этим. Дело в том, что я, кажется, забыла включить их в свое завещание. Вы меня очень обяжете, если продадите их только тому, кто действительно очень пожелает их приобрести и сможет по достоинству их оценить. Желательно, чтобы это была женщина, и женщина красивая.

– Конечно, синьора графиня, конечно. Вы ведь знаете, наша клиентура...

– Спасибо.

Торговец проводил ее до двери:

– Разумеется, синьора, если у вас есть еще что-нибудь на продажу, я всегда к вашим услугам.

Она горделиво покачала головой.

– Нет, все кончено; больше ничего, ничего... – произнесла она.

Увидев часы в витрине, она снова поднесла руку к корсажу и словно потрогала, ощутила реальную форму этой вещи на ее привычном месте, глядя на нее через стекло. А потом, как будто вспомнив некую сокровенную тайну или же одержав над всем миром загадочную победу, она удалилась, храня под шляпой из меха пантеры почти радостное, вызывающее выражение лица.

Она свернула на улицу Бокка ди Леоне, прошла между старым, зловещего вида дворцом и фонтаном и вошла в отель «Ди Спанья».

Консьерж занимался штемпелеванием писем. Весь угол вестибюля загромождало стоявшее в фаянсовом кашпо большое зеленое растение.

Санциани прошла через вестибюль, вошла в салон, меблировка которого состояла из разрозненных потертых кресел, некоторые из которых были упрятаны в чехлы из кретона с желтой изнанкой. Трое мужчин, сидевших за низким журнальным столиком и потягивавших из миниатюрных прозрачных чашечек густой, как темный ликер, кофе, при ее появлении прервали свой разговор. Занятая разборкой стенограммы белокурая девица в черных брюках, с лицом порочного ангела и включенными волосами, подняла голову.

Не замечая молчаливого внимания, которым она была встречена, Санциани медленно обошла помещение, остановилась на несколько мгновений перед гравюрой, в чьем стекле смутно отражались очертания ее необычной шляпы. Затем вернулась в вестибюль. Консьерж протянул ей ключ.

– Альдо, мне должны принести цветы, – сказала она. – Собогазоволите расплатиться за них.

– Но в таком случае, синьора, дайте мне для этого денег... – ответил консьерж.

– Запишите это на мой счет, Альдо, как обычно.

– Мне жаль, синьора графиня, но я больше этого сделать не смогу. А потом, извините меня, но... я не Альдо, а Ренато.

– А где же в таком случае Альдо?

– Но ведь он умер, синьора графиня, умер десять лет назад.

Она сделала нетерпеливый жест, одновременно поднимая враждебный взгляд к лицу преждевременно полысевшего рыжеволосого консьержа.

– Не надо этим шутить, – произнесла она.

И открыла свою сумочку.

В этот момент из соседней комнаты появился управляющий отелем. Он был почти карликового роста, а правая часть его лица была неподвижной вследствие давно перенесенного паралича лица.

– Синьора, синьора, вы должны заплатить нам. Мы больше ждать никак не можем. Вы просто обязаны заплатить. Что вы на это скажете?

Говорил он очень быстро, писклявым голосом и, казалось, хотел отомстить ей за пренебрежительное к нему отношение и показать теперь всю свою значимость.

– Вы задолжали нам за семь недель, синьора. Так больше продолжаться не может. Вы должны заплатить нам пятьдесят шесть тысяч лир. Поймите же, синьора, когда человек снимает комнату, он должен за нее платить!

– Конечно же, вы получите свои деньги, – сказала Санциани. – Зачем вы так кричите? Вначале извольте вынуть руки из карманов. Вы очень дурно воспитаны, друг мой.

Это было сказано таким тоном, что все самодовольство мгновенно слетело с карлика и он подчинился.

Санциани вынула из сумочки пачку денег, которую вручил ей утром за часы торговец драгоценностями.

Управляющий принял деньги, согнувшись пополам, поскольку рабская привычка была в нем сильнее желания быть высокомерным.

– Вы должны понять, синьора, я отвечаю за это, надо войти в мое положение... – пробормотал он.

Она его не слушала.

– Когда я думаю о времени, в течение которого я являюсь клиенткой этого отеля, и о суммах, которые я здесь потратила... невозможно даже себе представить, – сказала она.

После чего она вошла в лифт и некоторое время потратила на борьбу с дверью кабины в ожидании лифтера, должность которого дирекция отеля из соображений экономии упразднила уже несколько лет назад.

Глава III

Вечером того же дня на шестом этаже отеля впервые заступала на службу новая горничная.

– Ты до этого когда-нибудь работала в гостинице? – спросила ее Валентина, девица с кривоватыми ногами, но с пышной грудью и мясистыми губами.

Новенькая была ее сменщицей.

– Да, в том году во Фрежене, – ответила новенькая.

– Сезонная работа?

– Да, вот так, конец сезона, – сказала малышка, не вдаваясь в подробности.

Обе горничные сидели в закутке, служившем конторкой и одновременно местом для хранения щеток и тряпок.

– Тебе понравилась эта работа? – снова поинтересовалась Валентина, расчесывая волосы.

– Когда нужна работа, приходится брать то, что есть. Да и потом, это не так уж противно. На людей можно поглядеть... – ответила новенькая.

Она старалась держаться уверенно, но на деле вся дрожала от застенчивости и беспокойства, а также от того, что волнение ее было слишком очевидным. Но ее собеседница продолжала расчесывать свои курчавые волосы, с явным удовольствием разглядывая черты своего крупного лица в карманном зеркальце.

– Вот поработаешь, как я, восемь месяцев на шестом этаже, – сказала она, – будешь об этом совсем другого мнения.

Ее-то переводили на третий этаж, и это было как повышение по службе. Третий этаж, с огромным зеркалом в тяжелой позолоченной раме на лестничной клетке, с перилами из красного дерева и со штукатуркой под мрамор в апартаментах, еще хранил остатки былой роскоши отеля. Номера там были более дорогие, клиенты менялись много чаще, чаевые были посolidнее. А на шестом этаже жили постоянные клиенты: журналисты с низкими гонорарами, ограниченные в средствах молодые англосаксы, упрямо старавшиеся в течение шести месяцев, а то и года внушить самим себе, что достаточно лишь пожить в Риме, чтобы в человеке проснулся великий художник или чтобы найти великую любовь. На шестом жили все те, кто, пожив пару недель на третьем, спрашивали у администратора: «У вас не найдется номера поспокойнее?... Мне хотелось бы пожить здесь некоторое время...»

– Здесь все без гроша в кармане, – сказала Валентина. – А, да ведь у тебя будет еще и графиня.

– Кто это?

– Номер пятьдесят седьмой.

– Настоящая графиня?

– Судя по всему, настоящая. Но с ней будь готова ничему не удивляться.

– А в чем дело?

– Сама увидишь... – сказала Валентина загадочно. – Ах, мне пора вниз. Время готовить постели.

Молодая горничная осталась одна в белом коридоре с коричневыми пятнами дверей.

Гостиница представляла собой набор различных зданий, и поэтому коридор ее не был прямым: он извивался змейкой, то поднимался, то опускался, а в том месте, где потолок резко уходил вниз, было совсем темно.

Грустная, как только что прибывшая в пансионат сиротка, девушка почувствовала, как в ней рос страх перед этим коридором, которому суждено было стать ее владением... если, конечно, все пойдет как надо, если она не будет допускать промахов и если ее не выгонят на следующий же день...

«Нет же, неправда, не служанкой я мечтала стать, – подумала она. – Но если так надо... Лучше уж быть прислугой в отеле. Ну что ж, начну-ка я, пожалуй, с комнат, в которых нет клиентов».

В пятидесятом номере ключ торчал в замке, а из-за двери доносились мужские голоса. Малышка постучала в соседнюю дверь; не услышав ответа, она открыла замок служебным ключом и увидела посреди комнаты совершенно голую девицу, натягивавшую через голову свитер. У девицы были длинные белые ноги.

– О, извините, извините, синьора, – сказала маленькая горничная, закрывая дверь.

– Doesn't matter², – послышалось в ответ из-под свитера.

– Да, синьора, простите.

Некоторое время она простояла в коридоре не двигаясь, с бьющимся от страха сердцем. «Началось, – подумала она. – Только бы она не пошла жаловаться на то, что я вхожу без предупреждения».

² Ничего страшного (англ.).

В соседней комнате кто-то печатал на машинке. Юная горничная заглядывать туда не стала. В следующих номерах не было никого. Задергивая оконные шторы, она думала: «Но ведь я же постучалась, я уверена в этом. Может, недостаточно громко... Как красиво, когда у женщины такие длинные белые ноги... Только бы она ничего не сказала в дирекции».

В пятьдесят пятом номере на ширму, закрывавшую умывальник, было наброшено зеленое шелковое платье.

«Что делать? Повесить его в шкаф или оставить так, как есть?»

Ей захотелось потрогать ткань, но она не посмела этого сделать и оставила платье на ширме. На постели валялись журналы с цветными иллюстрациями и фотографиями кинозвезд. На раме зеркала, на каминной полке были закреплены и лежали большие фотоснимки, на которых была одна и та же белокурая особа с лицом порочного ангела: фотографии по пояс, в полный рост, в черных брюках, в шортах, в вечернем платье, а еще в купальнике, лежащая на песке, выгнув грудь и устремив глаза к небу. На одном из фотоснимков вместо подписи было написано белым карандашом: «Я».

Девушка несколько минут разглядывала эти фотографии, потом посмотрелась в зеркало, состроила рожицу и вышла из комнаты.

Пятьдесят шестой номер был насквозь пропитан прогоркло-кислым запахом табака. На ночном столике между стопками книг лежали невыбитая трубка, коробка с каким-то лекарством в ампулах, дорожная рамка из красной кожи с портретом довольно красивой женщины с аккуратно уложенными волосами.

«А у меня не было фотографии, которую я могла бы подарить Джино. Интересно, поставил бы он мой портрет рядом с собой?.. Валентина сказала, что у клиентов, живущих на этом этаже, нет ни гроша за душой. Но у них, как бы там ни было, есть на что купить себе платья, большие чемоданы, кожаные рамки для портретов. Хотела бы я быть такой же нищей, как они... Не забыть бы вычистить пепельницу и освободить корзину для бумаг... Джино, конечно, обо мне больше и не вспоминает. Может быть, имей он мою фотографию... Но когда-нибудь найдется мужчина, который всегда будет иметь при себе мой портрет. Это будет высокий и очень богатый мужчина, и он возьмет меня с собой в путешествие. Как мне этого хочется... Но к чему это я размышлялась, ведь я знаю, что это невозможно...»

Она остановилась перед дверью пятьдесят седьмого номера.

«А, здесь живет эта графиня», – сказала она самой себе и постучала. На этот раз достаточно громко. Ответа не последовало, и она вошла.

Луcreция Санциани сидела в кресле перед открытой балконной дверью, выходившей на узенькую террасу, которая шла на уровне шестого этажа вокруг всего здания.

На ней было все то же бархатное платье. Сидела она неподвижно, держала перед собой ручное зеркало в оправе из позолоченного серебра и любовалась собой.

– Я могу приготовить постель, синьора графиня? – спросила молодая горничная с тревогой в голосе.

Пожилая дама не ответила. Позади нее в спокойном небе тысячи скворцов, населявших сады Пинчио и виллы Медичи, исполняли свой необычный вечерний балет. Похожие на щебечущие тучи стайки резко падали на городские крыши, так же резко взмывали в порозовевшее от вечерней зари небо, извивались, словно дым невидимого пожара, принимали самые причудливые формы, таяли, как бы растворясь в пространстве, чтобы потом сбиться в еще более густые и шумные стаи; и никто не мог понять причины буйства птиц, этого шелеста крыльев и писклявых криков: то ли их заставлял это вытворять голод, то ли ими руководила любовь и радость.

– Можно войти, синьора? – скромно повторила малышка.

– Да, входите, – ответила наконец Санциани, продолжая оставаться неподвижной.

Аккуратно складывая снятое с кровати покрывало – ее этому научили во Фрежене, – девушка украдкой поглядывала на графиню. Ни разу в жизни своей она не видела ни подобной неподвижности, ни подобного лица.

Светлые, почти белые волосы, разделенные пробором, обрамляли бледные щеки; они были подстрижены на уровне подбородка треугольной формы.

«Значит, вот она такая, эта графиня: дама в черном бархатном платье, сидящая у окна, смотрящаяся в зеркало и слушающая птичьи голоса...» – размышляла про себя девушка, укладывая на место подушку и отгибая край простыни.

За ее спиной послышалось:

– Как тебя зовут?

Она выпрямилась, сердце ее учащенно забилося.

– Кармела, синьора графиня.

– Ах да, Карлотта, – сказала Санциани.

Девушка подумала, что произнесла свое имя слишком тихо, но поправить не посмела, парализованная взглядом огромных темных глаз.

Старая дама снова начала смотреться в зеркало.

– Бедная моя Карлотта, – произнесла она с грустью в голосе. – Мне придется расстаться с тобой. Я больше не могу платить тебе жалованье.

Казалось, она говорит это своему отражению.

– Не беспокойтесь, синьора графиня, – сказала девушка. – Мне платит отель.

Санциани подняла брови.

– Отель?.. Я сейчас разговаривала? Что я тебе сказала? – мягко спросила она.

– Что вы не можете дать мне денег, синьора графиня. Но об этом не беспокойтесь...

Девушка с испугом подумала, что понимает теперь смысл сказанного ей совсем недавно Валентиной.

– Ты сказала мне, что тебя зовут Карлоттой, не так ли? – снова произнесла Санциани.

– Нет, синьора, Кармелой. Я здесь новенькая.

– А, конечно. Подойди поближе, я хочу рассмотреть тебя. Да ты красавица!

– О нет! Что вы, синьора графиня!

– Да, красавица. Я знаю, что говорю. Повернись-ка.

Кармела подчинилась с некоторым опасением, но одновременно и с удовольствием оттого, что ее называли красавицей. Хотя сама она этому нисколько не верила.

– Да, ты очень красивая. Конечно, не настолько красива, как я была когда-то! Знаешь, деточка, я была одной из самых красивых женщин.

– Несомненно, синьора графиня.

– Ты говоришь «несомненно», а ведь ты не можешь этого знать. Никто этого знать не может. Только я могу вновь найти то, чем я была. Вот тут. – Она помахала зеркальцем в оправе из позолоченного серебра. – Да только теперь все кончено; а когда все кончено, то это все равно как ничего и не было.

«Она немного странная, сомнений нет, но вовсе не сумасшедшая, – подумала девушка. – Она очень несчастна. А ведь была красивой и богатой».

– Сколько тебе лет? – снова спросила Лукреция Санциани.

– Семнадцать, синьора.

– Семнадцать лет... Как бы мне хотелось иметь твои года и быть на твоём месте!

– И всю жизнь убирать постели, синьора графиня?

Старуха на секунду умолкла.

– И убирать постели... но не всю жизнь, – ответила она. – Ты не всегда будешь горничной, если желаешь чего-то другого. Поверь мне.

– Хотелось бы верить. Надеюсь... Но я не знаю, что бы я могла делать еще. Для меня и это большая удача.

– Надо всегда знать, чего можно пожелать, сильно этого хотеть, и тогда ты получишь то, чего желаешь. Надо уметь пользоваться собой, брать все, что можно, и никогда не экономить жизнь. Она вам ничего не вернет назад.

Кармела слушала ее и с трудом понимала. Но ей нравилось звучание слов и напевность голоса.

«Она говорит об очень сложных для меня вещах, – размышляла горничная, – но говорит так красиво. Никто еще никогда мне такого не говорил».

Стайка скворцов пронеслась почти рядом с окном, заслонив свет.

– А, ты слышишь их? – спросила старая дама. – Ну все, иди, у тебя, должно быть, много работы. Можешь заходить ко мне. Ты мне нравишься.

– Доброй ночи, синьора.

– Доброй ночи.

«Почему она так добра ко мне?» – подумала Кармела. И вышла почти с сожалением.

Глава IV

Кармела быстро вступила во владение своей территорией, то есть двенадцатью комнатами шестого этажа. Она была внимательной, сообразительной и подвижной; ее движения были четкими, желание сделать все хорошо – огромным. И хотя она этому ремеслу нигде не училась, за исключением двух недель, проработанных прошлым летом в скромном курортном пансионе во Фрежене, куда она устроилась временно подменить горничную, она без труда освоилась со своими обязанностями. Работу свою она выполняла с умением и ловкостью. Убранную ею комнату можно было узнать хотя бы по гармоничному расположению щеток для волос на туалетном столике или по изгибу штор на окнах. Она была девушкой чистой и опрятной.

Ее полюбили; людям нравилась ее легкая скользящая и бесшумная походка, ее красивое мечтательное лицо, ее застенчивый певучий голосок, ее черные волосы, собранные в огромный узел на хрупком затылке. Однажды вечером, когда она, приготовив постель в шестьдесят первом номере, закрывала за собой дверь, она услышала, как одна из клиенток сказала: «Эта малышка – ну просто принцесса». Услышав эти слова, она покраснела от удовольствия и смущения. И потом долго повторяла для себя: «Эта малышка – ну просто принцесса». Но затем имела глупость рассказать об этом толстухе Валентине, и с той поры все служащие отеля звали ее не иначе как «принцесса». Она же продолжала оставаться с ними любезной.

В то же самое время, когда она начала привыкать к своим обязанностям и забывать страхи первых часов работы, она стала принимать отель, показавшийся ей вначале таким шикарным, за то, чем он являлся на самом деле. Конечно, в сравнении с убогим жилищем в Трастевере, где в окружении пяти братьев и сестер прошло ее детство, и даже в сравнении с гостиницей-пансионом во Фрежене «Альберго ди Спанья» казался роскошным дворцом. И не было никакого сомнения в том, что таковым и являлся в прошлом столетии, когда в нем останавливались великие путешественники-романтики.

Но Кармела уже знала, что в Риме существовали отели и пошарнее. И она начала мечтать об «Асслере», стоявшем наверху лестницы Тринита-деи-Монти, перед подъездом которого расхаживал взад-вперед, сверкая галунами, огромный швейцар, а сквозь стекла входного тамбура были видны отделанные мрамором стены.

А в «Ди Спанья» ковры были протерты до ниток, на потолке в коридоре штукатурка вся потрескалась, между досочками паркета чернела годами накапливавшаяся пыль, мебель

красного дерева шелушилась, трубопроводы бляели, а краны икали. Кармелу без конца дергали вызовами из-за отсутствия горячей воды.

Постепенно клиенты растеряли в глазах молоденькой горничной то уважение, которым она к ним прониклась в начале своей работы в отеле. И хотя у нее по-прежнему было единственное паршивенькое платице и пара многократно чиненных туфель, она теперь знала, что ни один из них не был богат. Даже по сравнению с ней. «У меня ничего нет, – думала она, – и все же, если бы мне предложили на всю жизнь занять место кого-либо из них, я бы отказалась. Ну и странная же я!»

Она сожалела о потерянных иллюзиях. Но не о чаевых, поскольку ей претило протягивать руку, и она благодарила, даже когда ей ничего не давали. Но ей ужасно хотелось пройти с пылесосом по какому-нибудь сказочному дворцу и быть служанкой у сказочного героя в неясной надежде на то, что однажды свершится чудо и героиней сказки станет она сама...

Собирая грязное белье, узнавая подробности о частной жизни каждого, слушая их телефонные разговоры, полные гнева, мольбы, лжи, она чувствовала, как улечиваются ореолы, которые она нарисовала в своем воображении вокруг голов своих клиентов.

Жильцы ее этажа походили на пассажиров судна, поставленного на карантин в связи с эпидемией невезения. Они выходили из своих комнат, как выходят из кают, прогуливались по палубе в надежде увидеть приближающийся к судну катер таможенной службы, а потом возвращались к себе, чтобы провести там еще один вечер, еще одну ночь, еще один день ожиданий и разочарований.

Белокурая француженка из пятидесят пятого номера, та, что при заполнении регистрационной карточки в графе «профессия» написала «киноактриса», вот уже четыре месяца ждала роли. Седовласый венгр из пятидесят шестого, чьи рубашки все до одной были сильно поношены, ждал каждую почту с каким-то болезненным нетерпением. Высокий молодой брюнет, целыми днями печатавший что-то на машинке, ждал поступления денег от кинопродюсеров. А чего ждала молодая американка?

«Почему это, – задавала себе вопрос Кармела, – люди не могут договориться между собой? Почему бы поселившемуся недавно на третьем этаже продюсеру не заказать у молодого брюнета сценарий для фильма, где нашлась бы роль для киноактрисы? И почему бы американке не выйти замуж за красивого парня из пятидесятого номера?»

Сидя в своей конторке, склонив голову набок и зажав коленями ладони, она представляла, что стала ужасно храброй. Будто бы она берет клиентов за руку, подводит их друг к другу, говорит им нужные слова. А вокруг нее раздаются голоса благодарности и благословения... Раздавшийся звонок быстро заставил ее вспомнить, что на ней надет передник прислуги, и, пожав плечами, хмыкнуть над тем, что она себе вообразила. «Если бы все это было так просто, они бы и без меня до этого додумались». Она начала смутно догадываться, что всем людям, которые жили на ее этаже, счастье не могли дать ни разум, ни чудо.

Деньги здесь не были единственной заботой: они все были охвачены другим навязчивым желанием, которое выдавали их взгляды, их жесты, их манеры ускользать друг от друга или друг друга разглядывать, оборачиваясь перед тем, как войти в свою комнату.

И вовсе не случайно в первый вечер работы Кармела увидела полуголую американку. Видимо, та все свое время только и делала, что одевалась, раздевалась и любовалась собой. Во всяком случае она умудрялась делать так, что, когда прислуга приходила к ней за чем-то, она оказывалась наполовину или полностью раздетой; казалось, она получала какое-то удовольствие наблюдать смущение тех, кто входил в ее номер. По несколько часов в день она загорала на узенькой террасе, делая вид, что прячется за ширмой из полотенец, а сама в то время через черные стекла очков следила за тем, достаточно ли хорошо она была видна соседям. Когда же она после этого встречалась с ними в лифте, то смотрела на них с ироничным высокомерием. Но ей, впрочем, не везло: к тому симпатичному парню из пятидесятого

номера приходили только мужчины, а другой сосед, тот, что вечно стучал на машинке, почти никогда не открывал окно.

Однажды, лежа поперек кровати и свесив ногу на паркет, она с наглым видом сказала Кармеле:

– Мой жених погиб на войне. Это ужасно.

Девушка вышла из комнаты так быстро, как только смогла. «Надо было мне сказать ей что-нибудь вежливое, – подумала она. – Ведь она несчастна. И стала такой от горя. Но меня очень пугает ее взгляд».

Седовласый венгр, державший фотографию красивой женщины на ночном столике, работал в каком-то агентстве новостей. Он был постоянно печален. Он тоже следил за Кармелой, приходившей в его номер для того, чтобы задернуть шторы, и когда она оборачивалась, то видела, что взгляд его был прикован к ее икрам. Однажды, когда она случайно уронила фотографию с ночного столика, он вскочил на ноги и ужасно побледнел. Кармела извинилась и, не зная, что надо было делать при виде такого волнения клиента, спросила:

– Это ваша жена?

– Нет, – ответил журналист. – Она замужем за другим.

И он внезапно схватил дрожащими руками Кармелу за плечи. Но сразу же уронил руки и стал мотать головой; у него, казалось, больше не было смелости, и он не верил в возможное избавление от тоски. Кармела убежала.

Киноактриса, уходившая ужинать в таких красивых платьях, возвращалась в отель поздно ночью пьяной, с измятым подолом. Иногда она приводила с собой одного-двух парней, и Кармела, которую она вызывала к полудню, заставляла ее в постели со включенными волосами и посеревшим лицом; ее нижнее белье валялось в углу. Она выглядела постаревшей лет на десять, и становилось заметно, что у нее искусственные зубы, и она была вовсе не похожа на девицу, снятую на фотографиях, которые были подсунуты под рамку зеркала.

У красивого парня из пятидесятого номера были какие-то странные приятели. Кармела однажды увидела, как жилец взял другого молодого человека за подбородок и поцеловал его в губы долгим поцелуем, а потом оба парня захохотали, увидев ее удивление.

Был еще высокий молодой брюнет, постоянно стучавший на машинке и редко выходивший из своего номера. Прислуга прозвала его «доктором». Иногда к его двери приходила устраивать скандал какая-то женщина, державшая за руку ребенка лет четырех. Он женился на ней, когда ей исполнилось шестнадцать лет, и бросил почти сразу же, найдя себе такую же молодую девицу, от которой тоже вскоре ушел и которая тоже приходила в отель и закатывала ему скандалы. Все удивлялись, почему он бросил одну ради другой, ведь они так походили одна на другую своим маленьким ростом, предрасположенностью к вульгарным выражениям, невзрослым видом и желанием играть роль жертвы. Они являлись в отель поочередно, для того чтобы требовать от него денег. Комната сотрясалась от криков и рыданий. А после скандалов сценарист снова садился писать, чтобы содержать этих двух женщин, жить с которыми он не мог.

В такие дни Кармела гляделась в зеркало и вспоминала о том, что сказала ей графиня в тот первый вечер. «Во всяком случае, – думала она, – я так же красива, как жена и любовница доктора Гарани».

Глава V

У Кармелы вошло в привычку заканчивать вечером свою работу в номере у Санциани и задерживаться там на некоторое время, чтобы поболтать с клиенткой.

Всякий раз она заставляла старую даму на одном и том же месте: сидящей у окна в том же самом бархатном платье и с зеркалом в руке.

Это был единственный человек, с которым, непонятно почему, девушка чувствовала себя уверенно и в безопасности.

– Почему это они все так на меня смотрят, синьора графиня? – спросила она как-то.

– Потому что они все тебя желают, – ответила Санциани.

– О, да возможно ли такое? Чтобы желать такую бедную девушку, как я, надо быть очень несчастным человеком.

– А они как раз очень несчастны, – сказала Санциани. – Никто из них не может быть счастливым. Они все считают, что любовь – это грех.

– И даже женщины, синьора графиня? Вы считаете, что, когда одна женщина вот так смотрит на другую, она желает ее? Даже молодая американка? Возможно ли такое?

– Когда женщина не находит себе мужчину или когда она не решается его найти, она будет тереться о дерево, о стул, но скорее всего о себе подобную. Надо всегда требовать удовольствия от другого или брать это удовольствие у него самой.

– А эти господа из пятидесятого номера, синьора? Вот никогда бы не поверила, что двое мужчин могут целоваться, словно мужчина и женщина. И почему они потом смеялись, глядя на меня?

– Эти пытались насмеяться над тобой, для того чтобы отомстить за то сожаление, которое они испытывают оттого, что не могут желать тебя.

Как льстило Кармеле, что такая знатная дама, пусть и обедневшая, пусть иногда странноватая, удостоивает ее чести так интересоваться ею! «Какая жалость, – думала девушка, – что я недостаточно образованна, чтобы все это понять... А не будь она немного странной, разве стала бы она разговаривать со мной?»

Кармела глядела на нее с тревожной почтительностью. Эта Санциани в черном бархате и с позолоченным зеркалом представлялась ей хранительницей сказочного мира, куда девушка мечтала попасть ребенком и двери в который сейчас были для нее приоткрыты.

– Вас, должно быть, любили многие мужчины, синьора, – вдруг сказала она однажды и зарделась от собственной смелости.

Впервые Кармела увидела на крупном взволнованном лице графини выражение счастья.

– Да. Многие, – ответила Санциани с улыбкой.

Она бросила на Кармелу свой загадочный взгляд.

– А ты уже любила кого-нибудь? У тебя есть жених? – спросила она ласково.

– О, у меня есть Джино...

Джино. Это было прошлым летом во Фрежене. Студент из Милана, будущий аптекарь. Она приходила к нему после работы. Он лишил ее невинности, не причинив той ужасной боли, к которой она готовилась, и не доставив потом того пьянящего удовольствия, на которое она надеялась. Она не забеременела, как это вроде бы всегда случается с соблазненными девочками. В общем и целом все прошло хорошо. Особенно запомнилось ей то, что она с ним болтала без умолку. Когда они гуляли по ночам у моря, он обнимал ее за шею и иногда закрывал ладонью ей рот, говоря: «Помолчи». И она шла дальше, счастливая, склонив голову на его плечо. Она запомнила также вкус его пальцев, которые иногда покусывала: они пахли хвоей и водорослями. Он ей ни разу не написал. Но обещал приехать на следующее лето...

«Слушает ли она меня?» – подумала Кармела, которой так долго не представлялась возможность выговориться и которая вдруг сделала это теперь, не испытав при этом стыда и нисколько не рисуясь, а ощущая просто спокойное удовлетворение. «Она меня не слышит, она думает о чем-то своем. Но это и не важно, мне стало легче оттого, что я кому-то все это рассказала».

– Тебе надо забыть его, – произнесла наконец Санциани.

– Вы так считаете, синьора графиня?

- Прежде всего, он, конечно, о тебе и думать перестал.
- Я и сама себе часто это говорю.
- А потом... Ты бы хотела быть женой аптекаря?
- Если придется.

Кармела вспомнила, как она тысячу раз мечтала о том, какая у нее будет красивая аптека, блестящая никелем и стеклом, как она будет там хозяйкой, а не служанкой, как она будет разговаривать уверенно и любезно. Где у нее будет муж, детишки, возможно машина. И потом, внезапно подумав о том, что, если эта мечта исполнится, ей придется вот так и провести всю свою жизнь, она почувствовала, как душу ее охватила необъяснимая грусть. «Какая же я странная. Чего же мне хочется?» – подумала она. Да и к тому же Джино ни разу и не намекнул на то, что собирается жениться на ней.

Санциани протянула ей зеркало.

- На-ка, посмотри на себя, – сказала она, – и постарайся себя понять.
- У девушки задрожали руки.
- Правда, синьора графиня? Я могу...
- Ну да, бери же.

Кармела схватила этот предмет и сжала его пальцами так сильно, словно боялась уронить.

В темнеющем небе продолжали порхать скворцы.

Санциани кивнула в сторону окна.

– Это шум дождя, – прошептала она. – Он так часто слышится в музыке Берлиоза. Он слышал щебетание тысяч этих птиц, когда бывал на вилле Медичи. Эту музыку он нашел именно там. И теперь птицы каждый вечер исполняют музыку Берлиоза.

Кармела не понимала, да и не слушала ее. В овале потертого золота ее лицо похоже было на старинный портрет в позолоченной раме. Умелые руки ювелира времен Возрождения, неизвестного ученика Бенвенуто Челлини, изобразили вокруг слегка позеленевшего от времени стекла переплетенные виноградные лозы и фигурки богов. Эта цепочка переплетенных тел, золотых рук, охвативших виноград в состоянии наслаждения и опьянения, обрамляла лицо девушки, отделяя ее от всего остального мира. Все мечты могли стать реальностью при взгляде на саму себя через это зеркало.

– Просто смотреться – это еще не все, – сказала Санциани. – Надо, чтобы зеркало было красивым.

И так вечер за вечером в те часы, когда в небе кружили птицы, старая дама, давая Кармеле возможность поглядеться во флорентийское зеркало, учила ее находить в своем юном лице признаки красоты; она внушала ей, что прямой нос с прозрачными ноздрями, светлые глаза с длинными изогнутыми ресницами, яблочки щек, овал лица, темные глубины волос на тонкой хрупкой шее – все это было настоящим богатством девушки, которое, перед тем как им пользоваться, следовало узнать. Санциани научила ее выщипывать брови, бывшие слишком густыми; став пореже, брови придали лицу выражение какой-то ангельской крохоты; она сказала, что родинка с краю лба казалась на фоне бархатистой кожи признаком неистребимого детства.

– Вот уж не думала, что это красиво, – сказала на это Кармела.

– Мужчины будут душу продавать только за то, чтобы получить возможность прикоснуться губами к этому родимому пятну, – промолвила Лукреция Санциани.

Когда Кармела выходила из комнаты графини, ее черные волосы были то гладко причесаны на прямой пробор, то заплетены в косы и уложены венцом вокруг головы, то забраны в виде шиньона.

– Гляди-ка, принцесса опять сменила прическу, – говорили друг другу служащие отеля.

Но Кармела чувствовала себя под защитой какой-то новой и необычной для себя внутренней уверенности. Наконец-то до нее кому-то было дело.

Эти минуты были, казалось, единственными, когда графиня выходила из состояния непонятного самосозерцания.

– Мне нравится делиться с тобой своим опытом, – говорила она иногда.

Но то, что старики зовут «делиться своим опытом», на деле является лишь их последней возможностью пожить еще перед кем-либо, когда жизнь их уже кончилась.

И она учила молодую горничную любви к самой себе, поскольку именно эта любовь лежит в основе всех соблазнов.

«Но почему, – задумывалась иногда девушка, – она продолжает называть меня Карлоттой?»

Глава VI

Флорентийский ресторан на улице Боргоньона, что в нескольких шагах от отеля «Ди Спанья», был, как всегда в обеденные часы, полон режиссеров, писателей и актеров, составлявших его постоянную клиентуру. Аромат жарившегося со специями мяса, горячего оливкового масла и свеженарезанных помидоров, вырываясь из стеклянного, наподобие аквариума, помещения кухни, где блюда готовились на глазах у клиентов, растекался по обоим залам с белыми стенами. Аромат этот был вкусен, почти осязаем, он вызывал аппетит.

Посреди шумной ватаги, сидевшей за столиками, в которой одну половину составляли знаменитости, а другую те, кто жаждал стать таковыми, известный композитор Огеран, приехавший в Рим для того, чтобы написать музыку к какому-то фильму, вел разговор по-французски со своими приятелями на тему этого кулинарного аромата.

Этот толстый любитель вкусно поесть, колыхаясь на стуле, словно медуза, говорил в нос, прищелкивая языком после каждой фразы, будто пробуя на вкус слова, прижимая их к нёбу.

– Ни один запах, – говорил он, – во всем Средиземноморье... я-то это хорошо знаю... не сравнится с ароматами итальянской кухни. Мне можно завязать глаза и повозить по этому морю – я не ошибусь. Понюхайте этот аромат, принюхайтесь хорошенько... Это вам не пропахшая дымом острота испанских таверн, хватающая вас за горло и больше не отпускающая. Не тот запах жареного сала, который исходит из французских кухонь, и уж совсем не стойкий запах плавящегося бараньего жира, которым наполнены улочки в исламских странах... Запах этот, кстати, не так уж и противен, но очень быстро надоедает. Здесь – столь же сильный аромат, но он более веселый, более нежный... более милый и языческий. Вот именно... языческий. Последний запах античного язычества. Остальные кухни пахнут религиозным фанатизмом; на них готовится пища для людей, которые верят в существование ада. А здесь, можно сказать, испарения от жаровен и кухонных печей возносятся, как дым от жертвенных камней, к широким ноздрям любящих полакомиться ироничных богов, а лучшие кусочки жертвоприношения подаются на стол великим жрецам... то есть нам.

Он щелкнул языком и умолк, поскольку на стол подали спагетти в масле и вареные ракушки, которые он начал жадно поглощать, тряся складками тройного подбородка.

Лишь он да еще режиссер Витторио Викариа – поскольку оба они уже добились мирового признания – ничуть не заботились о том, в каком виде их снимет фотограф, забравшийся на стул и сверкавший вспышкой над столиками, подчиняясь указаниям молодого парижского репортера Мишеля Санлиса, который показывал на объект для съемки то пальцем, то взглядом. Все же остальные посетители ресторанчика смеялись слишком громко, говорили неестественными голосами, норовили предстать перед фотографом в профиль, расска-

зять свой фирменный анекдот, чтобы выделиться на фоне других и чтобы им посвятили абзац, строку или просто упомянули в газете, которая увидит свет за две тысячи километров отсюда, которую они, несомненно, не прочитают и про которую все очень скоро забудут. Киноактриса из отеля «Ди Спанья», накрывая своими белыми волосами плечо твидового пиджака журналиста, говорила ему:

– Мишель... вы ведь позволите мне называть вас Мишель, не правда ли?.. Надеюсь, вы будете так любезны, что расскажете обо мне в вашей статье. Соотечественники должны помогать друг другу, не так ли?.. И потом, я могу рассказать вам кучу историй, я всех знаю. С кем вы сегодня ужинаете? Я приглашаю вас.

Нино, хозяин трактирчика, подгонял официантов и сам принимал заказы от клиентов с тем важным и самодовольным видом, который бывает обычно у людей, рожденных для скромной жизни, но оказавшихся очень близко к славе, а посему сумевших приобрести некоторую известность и на этом построивших свое благополучие. Толкнув дверь стеклянной клетки, он крикнул поварам, перекрывая гул голосов посетителей:

– Un abbachio alla romana per il dottore Vicaria! Prestissimo!³

Когда в зал вошел Марио Гарани, все взгляды устремились на него. Черные густые волосы, жесткие, чуть раскосые глаза, длинные ноги в брюках из искусственной замши, – таким он предстал перед всеми. Молодой сценарист сел за столик, сказав «чао» с усталым и рассеянным видом. Его светлый пиджак был потерт на локтях.

– О, Марио! – воскликнула киноактриса таким тоном, словно они не виделись полгода, хотя их комнаты были рядом.

Он не ответил ей. Прошлой ночью он переспал с ней и теперь старался забыть об этом. Он сделал заказ, налил себе в стакан вина, опустив вниз горлышко толстой бутылки кьянти, стоявшей на столике в корзине-качалке.

– Никак не получается сцена с девушкой. Ничего не могу поделать, – сказал он Викариа.

– Ладно, вечером посмотрим, – тихо ответил Викариа, опустив веки.

– Какая сцена, Марио? Какой сценарий? Тот, о котором ты мне вчера рассказал? – воскликнула киноактриса.

Журналист сделал ей знак помолчать. Ему хотелось послушать Викариа, поскольку седовласый режиссер с благородными чертами лица, на котором было написано очаровательное выражение посла, извиняющегося за собственную гениальность, объяснял спокойным голосом:

– Рим – это вам не Париж. Здесь аристократы никогда не смешиваются с интеллигенцией, а деловые люди – с талантливыми. У нас общество признает и принимает только тех своих соотечественников, кто добился успеха за границей, или же известных иностранцев. Но к тому времени у нас бывает очень много дел, и мы уже не так молоды, чтобы терять время в гостиных и на званых ужинах. И тогда мы начинаем жить своей жизнью, в кругу людей нашего ремесла, в двух-трех ресторанах наподобие вот этого, и там мы все встречаем друг друга каждый день, что, кстати, облегчает нашу работу... и обостряет ревность.

Затем, улыбнувшись, он добавил:

– Вам следовало бы сказать вашему фотографу, чтобы он снял Альбертини, он сидит вон там... А то он совсем извелся оттого, что никто не обращает на него внимания.

Сидя вдвоем за «своим» столиком в дальнем зале, Туллио Альбертини и звезда Карин Хольман с тоской во взгляде жили своей огромной показной любовью. Подробности их встречи в Голливуде, похищения Карин Туллио, их разводов, их последующей женитьбы заполнили газеты и журналы Европы и Америки, явились причиной скандалов и заставили

³ Отбивную по-римски для доктора Викариа! Поживей! (*ит.*)

мечтать о любви горничных обоих континентов. Альбертини, бывший прежде всего собственным постановщиком, давал сообщения в прессу о каждом этапе развития их страсти и позволял публиковать их письма. Он относился к себе как к умершему гению, чью жизнь следовало бы показать на экране. Толпа обрекла их на вечное счастье.

Когда к ним направился фотограф, Альбертини смог заставить себя сделать усилие не смотреть в объектив и изобразил на лице выражение человека, который с крайней неохотой несет тяжкое бремя славы.

Фотоаппарат в очередной раз запечатлел Лауру и Петрарку, глядящих друг другу в глаза, соединивших лежащие на скатерти руки; при этом он был погружен в глубокие раздумья, а она в восхищении приоткрыла свои красивые губы.

Затем Альбертини повернул голову в сторону Викариа, и их взгляды встретились. Некоторое время разделенные залом два самых великих кинорежиссера Италии мерили друг друга взглядом: один – любитель ярких эффектов, другой – настоящий творец, один поставил искусство на службу личным интересам, другой сам этому искусству преданно служил. Потом они наконец улыбнулись друг другу, поскольку перед улыбкой Викариа устоять было невозможно.

– Да, я, возможно, приеду еще недельки через три вместе с балетом маркиза де Паламоса; они поставили несколько танцев на мою музыку, – вновь заговорил Огеран, приступая к четвертому блюду.

Было около половины третьего, когда, как обычно, в ресторан вошла Лукреция Санциани. И как обычно, на нее устремились взгляды всех присутствующих и шум разговоров резко прекратился. Можно было подумать, что в те места, куда она приходила, Санциани приносила с собой новое измерение. На голове у нее была все та же шляпа из шкуры пантеры. Она пробежала по залу своим беспокойным взглядом и направилась к стоявшему в углу свободному столику.

Деньги, вырученные от продажи часов, кончились за две недели. И теперь она ела один раз в день, ничего не платя.

Не дожидаясь заказа, официант поставил на стол перед ней ее обычный обед: вареные стебли сельдерея, тарелку макарон с сыром, большой стакан молока – короче, дежурные блюда.

– Это графиня Санциани, – пояснил Викариа парижскому журналисту. – Одна из последних великих европейских куртизанок. Она была любовницей Д'Аннунцио, кайзера...

– Как, Санциани? Это действительно она? – сказал Огеран. – Так она еще жива? Помните, я видел ее однажды в Париже. Она тогда была уже немолода, но как необычно выглядела! И какие про нее рассказывали истории. У нее был ужасный роман с Вильнером. А потом с некоторыми политическими деятелями, с финансистами... – Он пощелкал языком и добавил: – Но как она изменилась! Ее просто не узнать! Какая драма для такого лица!.. Когда Викариа говорит «куртизанка», – Огеран обращался к журналисту, – он прав, но не совсем точен. В том смысле, в каком мы обычно воспринимаем куртизанок. Я хочу сказать... не в том роде, как Лиана де Пужи на площади Перейры... Понимаете... Это скорее... Вандомская площадь.

– Она живет в моем отеле, на одном со мной этаже, – вставил Гарани.

– И вы с ней видите? Вы говорите с ней?

– Она ни с кем не разговаривает.

– А следовало бы вам с ней поговорить. Это же кладезь воспоминаний, – промолвил Огеран.

– Да, это может быть интересным, – согласился журналист.

Он уже придумал и подзаголовок: «В ресторанчике, где собираются звезды, графиня Санциани обедает с призраками своих знаменитых любовников».

Нино вмешался в этот разговор, наклонясь между Викариа и журналистом и фамильярно опершись на спинки их кресел.

– Вы не представляете себе, до чего эта женщина была красивой, – сказал он. – Даже когда ей исполнилось уже пятьдесят лет. Когда я увидел ее в первый раз... Я только открыл ресторан, дела мои шли не очень хорошо... она вышла из машины, желтой как солнце и занявшей всю улицу, и я подумал: «Этого не может быть, неужели эта женщина идет ко мне?» Она вошла с двумя своими борзыми в сопровождении какого-то худого господина, который, как я потом узнал, был египетским принцем. Она спросила у меня, какое фирменное блюдо подают в моем ресторане. Я ответил, что фасоль в масле. Она расхохоталась и велела мне зажарить для нее фазана. А потом она приходила сюда со всеми своими знакомыми... И можно сказать, что она создала мне репутацию. Такое не забывается. Потом она пропала. Всю войну она была за границей. А в прошлом году я вновь увидел ее... Как, однако, плохо кончают люди... И мне от этого грустно...

– Прощу прощения, – сказал, вставая, Мишель Санлис.

Сделав знак своему фотографу, он с профессиональной самоуверенностью подошел к Санциани и спросил, не согласна ли она дать ему интервью.

– Я много слышал о вас. Вы были очень известны, – добавил он.

Она пристально посмотрела на него, потом произнесла:

– Красивое лицо.

– Вы, кажется, знали Вильгельма Второго, Габриеле Д'Аннунцио... Не могли бы вы поделиться со мной некоторыми вашими воспоминаниями?

Она ответила с достоинством, встречаться с которым ему приходилось не столь уж часто:

– Моя жизнь, месье, принадлежит только мне. И я рассказываю о ней лишь самой себе.

– А вы не подумывали написать мемуары? – продолжал настаивать молодой человек. – Уверен, что это очень бы заинтересовало мою газету. Все, что вы видели...

– Интерес представляет не то, что я видела, месье, а то, чем я была. Моя жизнь – это не жизнь простой зрительницы.

– Конечно, мадам. Но в конце концов, столько знаменитых людей... Не могли бы вы рассказать мне хотя бы о тех, кто уже умер?

На бледном лице графини появилось выражение высокомерной снисходительности, а огромные черные глаза засверкали еще ярче.

– Никто не умер, – произнесла она, – и времени не существует. Но это известно одной лишь мне. Это моя тайна. Вам этого не понять, вы живете в мире иллюзий, это свойственно вашему возрасту. Ну что же, если хотите увидеться со мной, приходите ко мне завтра в отель «Гамильтон-хаус».

– А где это? – осведомился журналист.

– Последний дом на Пикадилли, на углу Гайд-парка... Если он завтра будет еще стоять. После этих ужасных бомбардировок!..

Она, казалось, не обратила внимания на выражение изумления, появившееся на лице молодого человека.

– Война застала меня здесь, – снова заговорила она, – и я здесь осталась. А вот война четырнадцатого года меня увлекала. Тогда я совершила великие деяния. Вот уж о чем будет интересно рассказать! Но эта война мне неинтересна. Я ко всему этому испытываю...

И в этом «ко всему этому», а также в рассеянном взгляде, которым она обвела зал, отразились и сожженные дотла города, и усеянные бесплодным железом поля, и переправляющиеся за моря народы, и превращенные в тряпку флаги на фронтах зданий, и реки, приби-

вающие к опорам мостов горы трупов, и разрываемое железными смерчами небо, и ревушие по ночам сирены, выражающие страх человеческий...

– Ко всему этому я испытываю, – повторила она после непродолжительного молчания, – какое-то трагическое равнодушие. Говорить такое ужасно, я знаю: ведь столько людей было убито и замучено!.. Это ужасно, когда не можешь уже страдать за страдания других. А так хотелось бы. Но нет никакой возможности. Вот это и называется одиночеством.

Марио Гарани, спешно закончив есть, прошел мимо их столика.

– Это командир авиационного полка, – сказала она, указав на него подбородком, когда он был уже на пороге двери. – У него, бедняги, обгорело лицо во время битвы за Лондон в сороковом году. Я знаю его, он живет в моем отеле... Вообще-то, – снова заговорила она, немного помолчав, – я не так уж сильно удивлена тем, что мир дрожит, поскольку я уже стала старой и от меня ушла любовь. А когда уходит любовь, она сразу покидает весь мир. Божество покинуло лишь меня одну.

Она взяла свои перчатки, свою сумку.

– Я ведь дала вам мой адрес? Отель «Ди Спанья», – сказала она, – отсюда первая улица направо.

И она иронически улыбнулась.

– Красивое лицо, – вновь произнесла она, вставая, не подумав даже попросить, чтобы ей принесли счет.

Официант, который ее обслуживал, поглядел на Нино; тот отрицательно покачал головой и проследил взглядом за тем, как Санциани вышла из ресторана.

– Помнится, одну из ее борзых звали Фальстаф, – сказал он Огерану. – Собака была выше стола. Я сам приносил ей паштет...

Мишель Санлис снова сел рядом с Викариа.

– Или она совсем сошла с ума, – сказал он, – или издевалась надо мной. Я этого не могу понять, и это приводит меня в отчаяние.

А пока мужчины продолжали говорить о ней, Санциани вернулась к себе в отель.

– Альдо, я завтра уезжаю в Лондон, – сказала она, проходя мимо портье. – Извольте взять мне билет.

Ей никто не ответил. Она уже таким образом уезжала три дня назад в Париж.

– А вы заметили, – сказал гнусного вида посыльный, когда Санциани уехала в лифте, – вы заметили, что она начинает куда-то уезжать после того, как не платит пару недель? Я в это не верю. Это она выдумывает, чтобы не платить.

Глава VII

Вечером Кармела застала Санциани сидящей, как всегда, у балконной двери, без зеркала, но в шляпе и в перчатках – короче, в том же виде, в каком та вернулась из ресторана. На традиционное приветствие горничной она не ответила. Ее неподвижность впечатляла. Кармела подумала, что графиня заболела, и спросила у нее, не желает ли она раздеться.

– Да, я пробыла в Венеции меньше, чем рассчитывала, – сказала на это Санциани. – Я ни для кого не хочу быть обузой. Если мое присутствие не нравится, то я не желаю, чтобы кто-либо считал себя обязанным подавать мне милостыню. Ты знаешь, что сказала Лидия? Я услышала это потому, что она не знала о том, что я находилась в соседней комнате. Так вот, она сказала: «Эта бедная Лукреция стала надоедливой. И потом, она становится совершенно невменяемой; она живет только благодаря милосердию общества, а сама вдруг дарит перстни гондольерам». И тогда я вошла в салон и сказала ей: «Лидия, каждый берет от жизни то, что может. У меня больше нет денег на то, чтобы оплачивать услуги подоб-

ного маленького двадцатитрехлетнего педераста, за которого ты недавно вышла замуж. А я на десять лет моложе тебя». И потом я пошла укладывать чемоданы.

– Синьора графиня, вы действительно не желаете раздеться? – снова спросила Кармела.

Графиня вдруг схватила ее за руки.

– Жанна, Жанна, это ужасно! – воскликнула она. – Этот гондольер всем обо всем разболтал. Правда, я это сделала. Мне нужен был мужчина, еще один раз. Ты сможешь меня понять, ты моя единственная подруга! В полночь я спустилась к заводи Святого Моисея, где всегда дежурят десяток мужчин, которые идут к вам навстречу и шепчут: «Гондолу, гондолу», словно предлагают вам что-то непристойное. Но я-то знала, что в этот раз мне и нужно было что-то непристойное. Я осмотрела их всех – они напоминали мне банду разбойников. Среди них оказался один старик, который меня узнал: «Гондолу, синьора графиня? Окажите мне честь». И тут они все заговорили: «Синьора графиня, ночь так прекрасна, не желаете ли совершить прогулку?» Я выбрала одного здоровяка с курчавыми волосами. Остальные стали толкать друг друга локтями в бок. Но мне до этого не было никакого дела. У него были широкие скулы и мелкие короткие зубы, блестящие, когда он зажигал сигнальный огонь своей гондолы.

Она отпустила ладони Кармелы. Но та продолжала стоять неподвижно. Она слышала, что не следовало будить сомнамбул, поскольку те могли от этого умереть.

– Я обернулась, чтобы посмотреть, как он гребет, стоя на самом конце гондолы, широко расставив длинные ноги, выделяясь черным силуэтом на фоне ночной темноты. Время от времени на него падал золотой луч света. – Как тебя зовут?.. – Джованни. Хотите, я спою, синьора графиня? – Я хочу, чтобы ты помолчал. Я хочу видеть, как под матерчатым поясом напрягаются твои мышцы, когда ты налегаешь на весло. Отвези меня в Большой канал и остановись у «Ка Леони».

Она больше не обращалась к этой таинственной Жанне, которой начала все это рассказывать. Положив руку на спинку кресла, она плыла в потоке своих воспоминаний, убаюкиваемая плавными движениями гондолы.

– Я помню праздники, которые вы устраивали в этом доме, синьора графиня. Я приходил поглядеть на них, когда был ребенком. Теперь грустно видеть, что этот дом постоянно заперт... – Вот, вот, он уже больше не незнакомец, он разговаривает, он знает меня. А мне хотелось мужчину без лица, вынырнувшего из ночи. Зачем я спрашивала, как его зовут?.. – Джованни, а когда ты смотрел на мои праздники, ты не мечтал заняться со мной любовью? Ты и представить себе не мог, что подобное может с тобой случиться... Я дам тебе тысячу лир. Да, я знаю, это для тебя много. Но уж коли я плачу, это всегда много. Иди ляг рядом. Не бойся...

Голова ее качнулась справа налево; все тело пришло в движение, будто волны подняли ее кресло.

– Подожди, пусть проплывет катер, – прошептала она. – Теперь иди сюда. В салонах горят тысячи свечей и прислуживают двадцать лакеев в белых париках. Смотри, смотри, ты не увидишь более красивого праздника. Никогда больше не будут подаваться такие редкие блюда. Я спрятала музыкантов. Вы находитесь в раю, господа. В раю воздух соткан из музыки... С кем я буду этой ночью? Ван Маар заплатит за все, но не притронется ко мне... Кайзер с его увечной рукой? Нет, не сегодня. Он будет завтра. Я заставлю его ждать до завтра, а завтра назову его Вильгельмом и обхвачу своими пальцами желание императора.

Санциани вдруг резко выпрямилась и посмотрела на Кармелу взглядом, в котором были одновременно и страх, и гнев.

– Джованни! – воскликнула она. – В чем дело? Как это «non posso, non posso»?⁴ Ты что же, не мужчина?.. Что? Ты хочешь, чтобы я отхлестала тебя по щекам? Вместо того чтобы болтать, дурень ты этакий, что ты слишком уважаешь меня... Нет, останься. Тебе, значит, не нужна тысяча лир...

Она стала лихорадочно искать на ощупь свою сумочку, лежавшую у ножки кресла. Порывшись в ней, она извлекла старый конверт и пошелестела им.

– А, шелест денег все-таки заставляет тебя снова стать мужчиной. Так слушай же, слушай.

Она снова стала мять конверт, делая это то медленно, то ускоряя ритм шелеста бумаги.

– Вернитесь все! Это мой последний праздник, мой прощальный салют! Эдуардо, пойдись прочь! Вон с моего праздника! Почему ты? Дай вернуться всем, я хочу, чтобы сегодня у меня были все! Это мой последний праздник. Тейфик, Кирилл, Тиберио, Габриеле, все, все!.. Вперед, идите же! – крикнула она, собирая все невидимые смычки, которые играли на одной и той же скрипке.

Сбросив с головы свою шляпу из шкуры пантеры, она запустила пальцы в свои волосы и замерла, откинув голову на спинку кресла, открыв большое белое ухо прекрасной формы.

– Нет, не уходи. Закончи свое дело, гондольер, умоляю тебя, закончи, – сказала она хриплым голосом. – Их никого нет. На, возьми мой перстень, если это может...

И из-под включенных волос она сдернула с безымянного пальца левой руки воображаемый перстень и бросила его на пол. Голова ее снова начала кататься по спинке кресла из стороны в сторону. Глаза ее были закрыты, лицо перекошено в болезненном ожидании.

– Кончай, кончай, – повторила она едва слышно. – Это будет в последний раз.

Затем она уронила руки, открыла глаза и посмотрела на Кармелу неподвижным печальным взглядом.

– Подумать только, я даже не получила того, чего хотела, – прошептала она, – а ведь это было в последний раз...

В небе продолжали свой полет скворцы...

В каморке, согретой накалившимися на солнце плитками черепицы, Кармела в ту ночь долго не могла заснуть. Слишком много мыслей роилось в ее голове. Ей хотелось бы проследить за ходом хотя бы одной из них, чтобы потом перейти к следующей. Но это ей не удавалось. Кто была эта Жанна, к которой обращалась графиня во время «своего припадка» – поскольку уже именно так называла Кармела приступ бреда, свидетелем которого она недавно стала. Она чуть ли не ревновала эту неизвестную подругу и испытывала некоторое смущение оттого, что услышала предназначавшиеся явно не ей откровения. «Понимает ли она, что рассказала все это мне? Никогда бы не подумала, что в жизни этой старой дамы могло происходить подобное!»

Она испытывала тот страх, то инстинктивное отвращение, которое всегда испытывает человек при виде умственного расстройства, поскольку увиденная в другом ненормальность вносит в душу человека сомнение в его собственном душевном равновесии. Но в то же самое время она испытывала и сострадание и чувствовала, что связана с графиней некими непонятными ей самой родственными узами. «Может быть, мне следовало бы рассказать обо всем директору. Но ведь если она сумасшедшая, ее запрячут в психушку. И я ее больше никогда не увижу!»

Она встала и несколько минут глядела на себя в узенькое зеркальце над раковиной умывальника при свете лампочки без абажура. «А какой я сама буду в старости? И действительно ли то, чем я занималась с Джино, было любовью? А вдруг она кого-то убила, а теперь

⁴ Не могу, не могу (*um.*).

вспомнит об этом и убьет меня? Но нет, это невозможно. Ведь ее тогда посадили бы в тюрьму. Она, конечно же, неопасна».

Часам к двум ночи, тяжело ступая, вернулась к себе Валентина. Кармела услышала через тонкую перегородку, как она рухнула на кровать и как жалобно застонали пружины матраса. Потом послышался стук сброшенных с ног туфель.

– Так ты не спишь, принцесса? – раздался голос Валентины.

Дверь, соединяющая их каморки, открылась, и девушка увидела курчавую голову толстухи; прическа ее была несколько растрепана, помада на губах смазалась.

– Скажи-ка, Тина, – спросила Кармела, – у тебя вот много мужчин...

Та хмыкнула и сказала в ответ:

– Даже слишком много.

– И что ты от этого получаешь?

– Деньги, – ответила Валентина. – Ну ладно, пока. Я ложусь спать – устала как собака. Утомляет не занятие любовью. Утомляет хождение.

И она закрыла дверь.

Даже если бы Валентина и была расположена еще поболтать, Кармела чувствовала, что ей не удалось бы из нее ничего больше вытянуть. Да и что, собственно, она хотела узнать? Что искала? Ей хотелось не ответов добиться, а, скорее, сформулировать свои еще расплывчатые вопросы. «Я хотела бы знать... я хотела бы знать...» Ей никак не удавалось сказать самой себе, что именно она хотела бы знать.

Глава VIII

В последующие дни Кармела чувствовала себя одновременно и спокойной, и разочарованной. Казалось, Санциани безвозвратно впала в привычное для нее состояние. Отдельные слова время от времени показывали, правда, что ее мысль, подобно водам подземного потока, следовала по какому-то темному и извилистому руслу, но проследить ход этой мысли было невозможно.

Кармела попыталась было разговорить ее неловкими вопросами:

– Вы ведь знаете Венецию, синьора? Там, наверное, очень красиво...

Ответа не было.

– Как вам повезло, что вы так много путешествовали, – продолжала настаивать она.

– Да, много, – просто ответила Санциани.

У них больше не было этих вечерних разговоров, которые стали столь необходимы для Кармелы. «Я больше ее не интересую. Она обо мне больше не думает», – говорила самой себе юная горничная.

А потом как-то раз после обеда, принеся из прачечной белье, она увидела, как Санциани вкладывала в конверт какое-то письмо. Старая дама вздрогнула и посмотрела на Кармелу.

– Я написала Лидии письмо, – сказала она. – Хочешь, я тебе его прочитаю?

– О, конечно, синьора графиня.

– А что это ты все время называешь меня «синьора графиня»? Что это значит? Ты хочешь меня в чем-то упрекнуть или ты уже пьяна?

– Нет, синьора... – ответила обеспокоенная девушка.

И тут же поняла, что графиня обращалась вовсе не к ней. «Кого же она теперь видит на моем месте?»

– Сядь! Мне не нравится, что передо мной стоят, когда я читаю, – сказала Санциани.

Кармела скромненько присела на краешек кровати. Санциани развернула листки, исписанные крупными буквами, характерными для ее почерка, и нацепила на нос очки в роговой оправе. Одно стекло очков имело трещину в виде лучистой звезды.

– «Лидия, дорогая... Завтра мы уезжаем в Канны. Я думала провести в Монте-Карло несколько недель, но прошло два дня, и я здесь больше не могу оставаться. Никогда не стоит возвращаться в те места, где ты когда-то была счастлива».

«А я-то думала, что она с этой синьорой Лидией в ссоре. Однако тогда ее припадок начинался именно так. Странно», – подумала Кармела.

– «Весна стоит какая-то серая, – продолжала читать Санциани, – и эту картонно-пластилинковую декорацию можно выносить только при ярком солнце. А ведь когда-то все это казалось восхитительным. В отеле „Париж“ живут одни старики, ожидающие часа, когда исчезнет их тень. Древний Оскар Кельнер, которому по виду можно дать сто восемнадцать лет, медленно разлагается, целыми днями просиживая в кресле, стоящем между двух колонн из красного мрамора, словно в глубине храма. Он сдал на хранение в контору отеля деньги на свои похороны. Он больше никому не говорит ни слова. О чем он думает? О женщинах, которые у него были, о состоянии, которое он промотал, о миллионах, которые оставил за игральным столиком? А может быть, ни о чем он больше и не думает. На его лице есть участки кожи, которые уже умерли. Естественно, меня он не узнал. А ведь он был другом Ван Маара и много раз бывал в „Ка Леони“. Он уже ни о чем больше не помнит. Меня восхищает маскарад почтения, чем-то напоминающий литургию, который общество разыгрывает вокруг этих высохших оболочек, некогда содержавших плоть богатых людей. И меня бросает в дрожь, когда я со страхом думаю, что, если мы доживем до такого возраста, это будет лучшее, что с нами может случиться. Теперь я понимаю, почему хиреют города, где бьют минеральные источники, и курорты: это происходит потому, что туда приезжают старики, отчаянно, но безуспешно пытающиеся вернуть и вновь прожить дни своей молодости. А новые поколения бегут из этих моргов воспоминаний для того, чтобы прожить свои праздники в других местах».

«Интересно, кому она читает это письмо? – продолжала размышлять Кармела. – За кого она принимает меня сейчас? За ту свою подругу, которую на днях назвала Жанной?...»

– «В своем доисторическом „роллс-ройсе“ здесь проездом был Бэзил Пимроуз. Он нисколько не изменился. Видимо, педерасты лучше сохраняются. С ним был очаровательный юноша, внук банкира Шудлера. К этому юноше Бэзил, естественно, прикоснуться не смеет. Ты сама увидишь его в Венеции, они едут именно туда... Лидия, Лидия, неужели возможность видеть солнце, чувствовать, что дышишь, говорить себе: „Я еще жива“ – может быть достаточным счастьем для конца нашего существования? Не наступает ли в жизни момент, когда мы должны покончить с собой? И когда именно такой момент наступает? Когда я была молодой, я хотела покончить жизнь самоубийством. Не сейчас ли настало время сделать это? Ощущение того, что время безвозвратно уходит, отравляет всю радость жизни. Мир безжалостен к женщинам, которым за пятьдесят. Ты старше меня. Как тебе удастся сохранять вкус к жизни? Вчера я сказала себе: была бы я более счастлива сегодня, если бы в свое время вышла замуж, если бы хранила верность мужу, если бы после смерти дочери у меня родились другие дети? Нет. В таком случае я, несомненно, находилась бы сейчас в Монте-Карло среди вдов, имеющих женатых и замужних детей, ходила бы на концерты и в читальные залы, думала бы, что артисты только и существуют для того, чтобы развлекать преждевременно состарившихся дам в их медленном умирании и бесконечной ненужности. Ах, как долго тянется женская старость! Мне в тысячу раз милее то, что у меня было. Мне больше нравится...»

Она остановилась, подняла взор к Кармеле, на секунду сняла очки.

– Теперь речь пойдет о тебе, – объявила она.

Лицо ее выражало злобную иронию и испугало Кармелу. Но девушка подумала: «Уж коль скоро она видит не меня...»

— Ты прекрасно знаешь, что именно я о тебе думаю, и тебе наплевать на то, что ты это знаешь, да?.. «Мне больше нравится Тейфик такой, какой он есть, — снова заговорила она, — то есть чуть более одурманенный наркотиком и изменяющий этому зелью лишь для того, чтобы накачаться спиртным. Но всегда такой же элегантный, за что я ему очень признательна. Он счастливый. А я от алкоголя только трезвею и лицо мое искажается. Но после опиума я больная, как скотина».

«О ком идет речь? Из какой страны это имя? — думала девушка. — И опиум...» Ее мысли не успевали за чтением.

— «Мы часами просиживаем друг перед другом в ресторане, не перекинувшись ни словом, или проводим ночи в казино за столиком для игры в баккара. Тейфик никогда не играет сам. Он может простоять сколько угодно, я ни у кого больше не встречала такой способности. Он радуется, когда я проигрываю, и чаще всего платит за меня он. Я думаю, что для тех, кто нас не знает, мы представляем два обломка корабля, которые связали, чтобы соорудить плот. Почему я остаюсь с Тейфиком? Любовью он уже больше не занимается; его уже больше ничто не интересует: ни девочки, ни мальчики. Меня... и меня он тоже не хочет. А мне еще всего хочется, и хочется ужасно. Но я знаю, что нахожусь уже в том возрасте, когда за любовь приходится платить, а я на это никогда не решусь. Удовольствия я получала всегда только от желания других. А стать одной из тех женщин, которые покупают мужчину на месяц, на неделю или на одну ночь, я не могу».

Кармела тут же вспомнила про гондолу и все поняла... Ей стало ясно, что графиня живет событиями, имевшими место раньше, что письмо это было написано до того. Она услышала:

— «Разве что за это стал бы платить Тейфик. Но в этом он мне с садизмом отказывает. Я оскорбляю его по несколько часов кряду...»

Санциани сняла очки, пристально посмотрела на Кармелу и повторила, выделяя интонацией каждое слово:

— «Я оскорбляю его по несколько часов кряду...»

Потом, после небольшой паузы, продолжила:

— «Я говорю ему, за что именно я его презираю. — Она повысила тон. — Он ничего на это не отвечает. Он смотрит на меня из-под своих длинных ресниц, даже не давая себе труда поднять веки. Я думаю, он испытывает гнусное удовольствие оттого, что я выкрикиваю ему в лицо гадости о его развратности, о его подлости, о его половом бессилии. Будто все, что я говорю, не его недостатки, а касается только меня. Потом он встает и начинает чистить свою трубку. Да! Почему же я продолжаю оставаться с ним? Чтобы иметь хотя бы одного зрителя... Ты слышишь, Тейфик? Мне нужен зритель, вот и все... Им может быть слуга, собака, кто угодно, лишь бы у него были глаза! Мне мало того, что я еще живу, мне надо, чтобы кто-нибудь видел, как именно я живу. Я не могу без публики. Мне уже часто случалось чувствовать себя так, как чувствуют старые актрисы, снимающие грим в своей уборной после прощального представления. Я смотрю на себя и думаю: „Неправда, это не я“. Я не приняла и никогда не приму это чудовищное предательство, которое совершает стареющее тело по отношению к остающейся юной душе. Бывают моменты, когда я чувствую себя восемнадцатилетней девушкой и когда мне кажется, что все, что было со мной в прожитой жизни, всего-навсего сон о будущем, набор снов, и что ничего этого на самом деле еще не было. Бывают моменты, Лидия, когда я чувствую, что схожу с ума...»

Санциани прервала чтение, взяла лежавшую у края чернильницы ручку и принялась быстрыми движениями вымарывать последнюю фразу. Вскоре прочесть то, что было напи-

сано, стало уже невозможно. Затем она снова заговорила, но при этом глядела в письмо таким отсутствующим взглядом, что было трудно понять, действительно ли она читала его:

– «Время – это всего лишь условность, нечто вроде книги для слепых, в которой пальцы должны нащупать один знак, чтобы перейти к следующему. Прошлого не существует, будущего нет. Мы постоянно пребываем одновременно в возрасте шести лет, двадцати лет и семидесяти лет. Все карты спрятаны в рукаве! Когда я думаю обо всем этом, то испытываю нечто вроде озарения, а потом меня вдруг охватывает ужасное чувство одиночества. И тогда мне кажется, что в мире нет никого, кроме меня, и мне хочется умереть. Мистикам повезло, они могут уйти в созерцание Бога. Ты видишь, до чего я дошла. Пожалей меня, дорогая. Целую тебя».

Санциани надолго замолчала. В голове же Кармелы продолжали звучать отдельные непонятные ей слова: опиум, казино, баккара. Как женщина, познавшая все эти великолепные или же запретные вещи, могла быть столь несчастна не только теперь, но и в то время, когда у нее все это еще было? Кармела представила себе, как Санциани, сверкая драгоценностями, одетая в шелка и кружева, спускается по мраморным ступеням и входит в ярко освещенный зал мимо шеренги склонившихся в почтительном поклоне слуг...

Она встала и на цыпочках пошла к двери.

– Деточка, тебе не трудно будет отправить это письмо? – сказала Санциани, протягивая ей только что заклеенный конверт.

Выйдя в коридор, Кармела прочитала адрес: «Герцогине де Сальвимонте. Отель „Даниели“. Венеция».

Спустившись вниз, она положила письмо перед портье.

– А деньги на марку она тебе дала? – спросил тот. – Нет? Тогда я отсылать его не стану. Я же сказал: конечно, больше не заплачу ни гроша.

– Ну, одну марку...

Просила она напрасно.

– Пойди и попроси у нее двадцать лир.

Кармела подумала: «А может быть, их у нее нет». Вытащив из кармана мелкие измятые бумажки по одной и две лиры, она отсчитала нужную сумму.

– Держите, наклейте марку, – сказала она. – Мне она эту сумму возместит.

И при этом подумала, не стоило ли вскрыть конверт и написать этой герцогине: «Мадам, у Вашей подруги нет больше денег, но она не решается Вам об этом сказать...»

Опустив письмо в почтовый ящик отеля, консьерж с издевкой спросил:

– А ты уверена, что письмо адресовано живому человеку?

Многие ее письма уже возвращались с отметкой «Адресат умер».

Кармела поднялась на свой этаж и вошла в номер Санциани.

– Синьора графиня, ваше письмо отправлено, – сказала она с успокоительной улыбкой.

Санциани не ответила. Она продолжала сидеть за столом с выпрямленной спиной и бесстрастным лицом и медленно пододвигала к себе воображаемые предметы, которые якобы высыпались из коробки и которые она по прошествии некоторого времени решила положить на место.

Она при этом шептала:

– Девять... девять... на картах... семь... баккара... тем хуже...

Она отодвинула вправо от себя эту воображаемую коробку.

«Что это она делает?» – подумала Кармела.

Санциани начала постукивать пальцами по краю стола, произнося шепотом: «Принимаю». Затем взяла в руки воображаемые предметы, которые придвинул к ней невидимый партнер.

Лицо ее было еще более бледным, еще более бесстрастным, чем обычно. Но под столом колено ее угрожающе подрагивало всякий раз, когда она повторяла: «Принимаю».

– Нет, месье, сожалею, но я ни с кем не делю мой риск, – вдруг произнесла она. – Этой руке не будет везти постоянно... Принимаю!

Кармела подошла поближе, стараясь понять, в чем было дело.

Санциани кивнула ей:

– Что вы сказали?

– Я отправила ваше письмо, синьора графиня, – ответила девушка.

Санциани резко поднялась, откинув при этом стул.

– Что? Только что арестовали Тейфика Хальфази?! – произнесла она вполголоса.

Удивление и гнев оживили ее взгляд. Правое колено ее начало дрожать, и ей пришлось на секунду опереться о стол.

– И он выбрал время для этого как раз тогда, когда я проиграла четыреста тысяч франков!

Она сделала движение, будто сорвала с шеи что-то и бросила это на стол перед собой.

– Продолжайте без меня, господа! – величественно сказала она.

Потом, уже уходя, она, испытывая угрызения совести, сняла с запястья давно исчезнувший браслет и с улыбкой сказала:

– Для персонала.

Глава IX

Целую неделю Лукреция Санциани, сидя у балконной двери, таскала за собой молодую горничную по всей Европе в воображаемом турне. Она свела Кармелу с ума, как сводила с ума портье самых шикарных гостиниц пяти столиц своими требованиями, тридцатью чемоданами, неожиданными моментальными отъездами первым же поездом, первым парходом в бегстве от самой себя. И постоянно к самой себе возвращаясь.

Едва она входила в новую комнату своего прошлого, как встречала там изображение, которое, казалось, прибыло туда заранее и поджидало ее в зеркалах. Это было изображение женщины в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет, которое было еще слишком красивым для того, чтобы от него отказываться, но уже и слишком старым, чтобы им гордиться. Еще не были распакованы чемоданы, как среди новых стен и новых красок она узнавала свои страхи и свои муки. Бесконечные сны, позолоченные радости, неожиданное чудо, за которым она жадно охотилась в последний раз, куда-то исчезали при ее приближении. Казалось, она всякий раз опаздывала на свидание со счастьем или же какое-то проклятие гнало прочь это счастье, едва она к нему приближалась. Ее надежды натыкались на бесполезные пейзажи, блуждали среди величественных зданий, гасли с волной у берега. Мир лишался прикрас. Другие люди любили друг друга на этих пропитанных ароматом пляжах, открывали для себя античные монументы или же упивались своей преходящей славой в сиянии люстр. Но для нее спектакль был сыгран до конца и мир опустел.

Получившая отставку, но не согласная с этим Венера десять лет горела на развалинах Олимпа в огне своих бредовых воспоминаний, переживая вновь годы своей жизни в том же беспорядке, в котором эти годы пролетели.

Кармела, оставив графиню утром во Флоренции, в Лозанне, в Париже, находила ее вечером в Лиссабоне или в Шотландии. Девушка таким образом узнала о том, что Зальцбург был местом, где люди занимались музыкой, но ее вскоре оттуда резко увезли, поскольку давний любовник, которого Санциани увлекла с собой в эту поездку, во время исполнения «Дон Жуана» не отрываясь смотрел в затылок двадцатилетней незнакомки, сидевшей на два ряда впереди.

Однажды Кармеле показалось, что Санциани выздоровела. Она говорила о Риме обычным ровным голосом и совершенно осмысленно. Она снова вернулась на римские улочки под римское небо. Но нет: вскоре оказалось, что она вернулась далеким маем на скачки под пахучие сосны площади Сиены для того, чтобы окинуть горячим, но уже несколько уставшим взором мундиры всех армий мира, красные одежды, лоснящихся под лучами солнца лошадей, которые взлетали, поджимая копыта, над зелеными изгородями и белыми брусьями препятствий.

Толпа людей в светлых одеждах, на которые проецировалась тень ветвей, собралась вокруг большого овала ипподрома, напоминавшего античный цирк. На трибунах сидел весь цвет европейской аристократии; все узнавали друг друга и приветствовали на трех языках. Лукреция вновь встретилась со своими друзьями, участниками этих былых празднеств: полысевшие, потасканные и дерганные мужчины, покрывшиеся морщинами, исхудавшие или раздавленные вширь женщины. Старые марионетки костюмы слегка подновили, а лица освежить не смогли. И теперь они старались разыграть друг перед другом комедию развлечения.

Она представила им Кармелу: «Моя подруга Жанна». Затем, отведя ее в сторону, воскликнула:

– Жанна, неужели я такая же, как они? Такая же, как эти женщины, а они – как я – неизменившиеся души в умирающих телах?.. Гляди, гляди: девицы нового поколения смотрят на меня как на ископаемое... Вы не знаете, милочки, не знаете, как скоро это случится и с вами. У вас будет несколько любовников, вы переживете несколько драм, а потом вы обернетесь и окажетесь на моем месте, не понимая, как это могло случиться. Но проживете вы менее страстно, чем жила я.

Она надеялась найти покой в бухте Форmentor на Балеарских островах, но не смогла вынести и трех дней пребывания там из-за того, что у нее не было спутника, с кем она могла бы вместе вбираться в легкие теплый влажный воздух и гулять под сенью цветущего миндаля, из-за того, что не было рядом никого, на чье плечо можно было бы положить голову, любуясь морем. Стоя на берегу, она чувствовала свое одиночество, словно увечье, словно крах. Холодный блеск звезд отлучал ее от остального мира. Под ногами лежала чужая планета.

– Я страдаю от замкнутости в самой себе, – сказала она Кармеле, вместе с которой приехала в Севилью на Святую неделю.

Кармела так и не узнала, кем же из знатных испанских дам она была в тот вечер. Стоя рядом и опершись на ограждение террасы, они смотрели, как по улице Бокка ди Леоне шли не продавцы маслин, а процессия кающихся грешников в высоких колпаках. Вдруг Лукреция воскликнула:

– Ад и рай внешне ничем не отличаются. Ад – это когда бродишь по раю, а чувствуешь себя несчастным.

Она ужинала в разных местах со старыми, вышедшими в тираж холостяками, которые хотя и говорили еще про любовь, но заниматься ею уже не могли и которые, напичкав ее во время приема пищи рассказами о своих былых подвигах в постели, расставались с ней на пороге ее комнаты, вежливо пожелав спокойной ночи.

За зиму, тянувшуюся очень долго и напоминавшую сумерки, она перебивалась на всех коктейлях эстетов, организованных за бешеные деньги в погребах Левого берега молодыми американскими педерастами, которые усаживались в кружок у ее ног и созерцали ее словно историческую редкость.

Всякий раз, бывая в Париже, она говорила Кармеле:

– Продай, продай моего Ренуара... Продай мебель из квартиры на улице Талейрана. Возьми все, что тебе нужно, моя маленькая Жанна, а остальное положи в мой банк.

В Лондоне она встретила Тейфика Хальфази, оскорбила его, ушла, но потом вернулась, увлекла его в Довиль, куда попросила приехать и Жанну, для того чтобы прервать монотонность их полного ненависти существования вдвоем. В зеркалах отеля «Нормандия» она увидела трио, которое они собой являли.

– В этих белых одеждах мы похожи на трех старых вьюнков, выросших вокруг ножек табуретов в баре и переплетающихся для того, чтобы поддерживать друг друга до конца наших дней. О нет! Нет! Это невозможно!.. А ведь я жила так, как и следовало жить. Я не испытываю ни страха, ни радости, ни страданий. Я всем рисковала, ничто не могло меня остановить. А как старели знаменитые женщины? – вскричала она, схватив Кармелу за руку.

Не только юность ищет успокоения в Истории. Существа, стоящие на краю могилы, любят вспоминать о том, что Гёте самые прекрасные свои стихи написал в восемьдесят лет и что Нинон де Ланкло в таком же возрасте еще занималась любовью. А как кончили жизнь Жорж Санд, госпожа де Сталь, Екатерина Великая?

– Да, но они жили как мужчины. Я же жила жизнью женщины, исключительно женщины.

Она продолжала держать Кармелу за руки.

– Видишь ли, Жанна, – сказала она, – мы страдаем от ужасной несправедливости. Когда мы больше не можем уже внушать мужчинам любовь, мы ничего не стоим. Люди продолжают чтить писателей, которые ничего больше не могут написать, врачей, у которых больше нет сил лечить больных, государственных деятелей, которые больше не могут ничем управлять. А нам, доставлявшим мужчинам ощущение того, что они живут полнокровной жизнью, нам, вдохновлявшим их на создание шедевров, нам, составлявшим мечты мужчин, их гордость и их награду, нам, кого прославляли именно за то, что мы были, что же остается нам, когда тело наше нас предает и мы не можем больше играть свою роль? Мы становимся бесполезными, как герои, которые не погибли. Нам следовало бы закрыться в комнате, замуровать окна...

Глава X

«А может быть, и я уже стала немного сумасшедшей?» – задавала себе вопрос Кармела.

Навязчивое, тираническое любопытство тянуло ее в номер к Санциани, едва у нее выпадала свободная минутка.

Она сама себе назначала время этих свиданий. «Я пойду к ней после того, как приберусь во всех комнатах». Но когда она переворачивала матрацы, встряхивала простыни и чистила умывальник, ее не покидало нетерпение и страх оттого, что она пропустит главную сцену спектакля.

Все прочие клиенты – их звонки вызова, голые груди американки, вечный беспорядок в номере киноактрисы, – все это составляло часть серой обыденности. Главным для нее была дверь номера пятьдесят семь. Она казалась ей шире, чем другие двери, массивнее их. Она знала каждую планку, каждый кусочек отвалившейся краски, каждую заделанную замазкой трещину. Ей была хорошо знакома упругость замка и тихий щелчок под ладонью, который она ощущала, когда медленно поворачивала ручку для того, чтобы узнать, что с графиней.

Для того чтобы входить к Санциани, ей больше не нужно было искать повода.

Между ними было заключено молчаливое соглашение, некое сообщничество, позволявшее им обоим жить в нереальном мире.

Едва Кармела входила в комнату Санциани, как та принималась рассказывать ей свои сны. И девушка уже знала несколько уловок, позволявших ей включить по своему желанию и для себя одной этот большой автомат воспоминаний о прошлом.

Кармеле удавалось увидеть отрывки бесконечно длинного фильма, прокручивавшегося в мозгу старой дамы, и в этих эпизодах девушка бывала одновременно и зрительницей, и исполнительницей одной из главных ролей. «За кого она примет меня на этот раз?» – всегда думала она с некоторым волнением, входя в номер графини. Кем ей суждено стать? Банкиром, герцогиней, актрисой? В каком сказочном городе придется прожить ей целый час, какое богатство будет она держать в руках?

Иногда она уходила разочарованной, поскольку ей не удавалось ничего понять либо потому, что бред Санциани был слишком несвязным, либо, наоборот, ее словесный поток был переполнен подробностями. Кармела запоминала по одной фразе, по одному образу, по одному слову и прокручивала их в голове весь вечер подобно тому, как люди вертят в пальцах чем-то понравившийся камушек.

Что такое «зимородок»? Дерево или птица? И кто такая эта Жанна, за которую ее так часто принимает графиня? Был ли у нее тоже титул, драгоценности, борзые и вышагивала ли она королевской походкой рядом со своей подругой Лукрецией? Да, разумеется, королевской. Но Жанна должна была быть пониже, посмуглее и черноволосой. Кармела так вошла в образ этой Жанны, что стала представлять ее похожей на себя или, скорее, представлять самое себя такой, какой она могла бы быть, если бы родилась в среде князей мира.

«Я на нее похожа, это точно, – думала она. – Именно поэтому графиня и обращается ко мне, как к ней. Жанна умерла, а душа ее вселилась в меня при моем рождении».

Кармела стала думать, что никогда не чувствовала себя принадлежавшей к той породе, что никогда в ней не текла та же кровь, что у ее братьев и сестер. «Никто не сказал бы, что у нас с ними одни родители». Она чувствовала, что является загадкой для самой себя. У нее была какая-то тайна, или, скорее всего, она сама была тайной. Бывали случаи, когда в самых бедных семьях рождались святые и королевы. Эта маленькая родинка на краю лба была знаком, отметиной звезд. Придет день, и ее по этому знаку найдут, и она предстанет перед всеми в пышном белом платье, а вокруг ее головы засияет нимб. Ее будут любить, ею будут восторгаться. Она станет богатой. А потом она остановит свою огромную машину на одной из сумрачных улочек Трастевере и осыплет благодеяниями свою семью, как приемных родителей, будто нашедших в горах и приютивших заблудившегося королевского ребенка. Она родилась в семье почтового служащего, подобно Иисусу, которому вольно было родиться в семье простого плотника. Ее рождение представлялось ей действием, произошедшим по ее собственному желанию. «Я захотела родиться там», – сказала она самой себе. И с этого момента она начала чувствовать себя единственной, даже божественной. Она подолгу рассматривала свои тонкие голубые вены на локтевой впадине, они напоминали ей реки на географической карте. И ощущение жизни переполняло ее, совпадая и смешиваясь со всем миром. Она часто повторяла себе: «Я – Кармела, я – Кармела, я – это я...» – и эти слова составляли самую вершину священной пирамиды.

Она не смогла бы объяснить ни то ощущение легкости, от которого у нее временами появлялась почти нестерпимая радость, ни тем более причин, по которым при виде того же самого открытого окна, того же самого уголка ковра, той же самой выставленной в коридор обуви горло ее внезапно сковывали рыдания.

О Джино она уже больше не думала. Ему не было места ни в ее мечтах о величии, ни в непонятных приступах страха. Правда, иногда он возникал где-то в уголках памяти, но быстро исчезал. Образ мужчины, с которым она связывала свой будущий успех, был пока неясен и многолик. Это были скорее «несколько мужчин в одном лице», а не какой-то конкретный человек. Он был частью щедрости, коллективной силы, одним из тех, кто должен был однажды выделиться из общей массы и явиться к ней в качестве посланца небес. Если бы понадобилось представить себе внешность этого посланца, то она хотела бы, чтобы он был похож на Марио Гарани. Но на доктора Гарани, окруженного богатством, имеющего

все привилегии и почести в этом мире. И этот воображаемый доктор Гарани должен был непременно обратить на нее свой взор.

Мечтая о чудесном превращении в богатую женщину такой бедной девушки, какой она была по своему происхождению, она и начинала плакать.

В один из таких вечеров отчаяния толстуха Валентина, накрасившись и расчесав волосы, предложила Кармеле отправиться вместе с ней на ночную прогулку.

– Все лучше, чем сохнуть от тоски на постели и реветь, – сказала Валентина девушке. – Тут как раз заболела Аурора, с которой я обычно работаю на пару. Вдвоем и защититься легче, и не так скучно.

Кармела отрицательно замотала головой. Но подруга продолжала настаивать. Конечно, в первый раз всегда чувствуешь себя как-то неловко. Но это быстро проходит. Достаточно лишь немного поразмыслить. В конце концов, мужчина – всегда мужчина, и заниматься этим с ним не более позорно, чем чистить туалеты. Все дело в привычке, да и к тому же это намного доходнее.

– Если немного повезет, за две-три ночи подзаработаешь и сможешь немного приодеться, – сказала Валентина. – А тогда уже можно будет и ставку повысить.

Чем больше Валентина говорила, тем ужасней чувствовала себя Кармела, и несогласие с предложением сковало все ее мышцы. И не только из-за того, что она боялась полиции или болезней. Даже и не из-за того, что ее могли увидеть знакомые. Она не смогла бы выразить этот поднявшийся в душе бунт. Она представила, как стоит рядом с Валентиной на тротуаре на углу виа Венето и предлагает себя прохожим, словно товар... Она убежит. Она была уверена в том, что убежит оттуда.

– Нет, я не смогу, – ответила она. – Лучше уж пойти просить милостыню.

– Ну и дура!

И Валентина стала снова убеждать, объяснять, с явным удовольствием делиться своим опытом и своими навыками, рассказывать о своей ловкости, о том, как она поступала, чтобы добиться как можно большей суммы за короткое время с наименьшими физическими затратами. Она говорила о своих клиентах по ночным встречам точно так же, как о клиентах своего этажа: словно невоспитанная кухарка, она насмехалась над их привычками, похваляясь тем, что надувает их...

Она вела себя как прислуга... «Служанка, служанка для любого, – подумала Кармела. – А я сама? Что я собой представляю? Такая же служанка. Но я продаю только мой труд. К телу моему никто не прикасается».

Она услышала, как Валентина спросила ее:

– Ну а если бы тебе предложили за это сто тысяч лир, ты тоже отказалась бы?

Кармела на мгновение задумалась.

– Это другое дело, – ответила она. – Мужчины, которые могут подарить сто тысяч лир, не станут отдавать их первой встречной. Прежде чем отдать такие деньги, они будут ухаживать за женщиной.

– И ты думаешь, что найдется такой мужчина, который принесет их тебе, когда на тебе такое платье? Надо начинать с самого начала. Говорю тебе, многие актрисы и герцогини начинали именно так, работая на улице.

– Назови мне хотя бы одну.

Нет, Валентина не могла сразу же назвать ни одного имени. Но ей так говорили. И потом, кто же этого не знает?!

– Женщины, которых ты сегодня видишь в мехах и в драгоценностях, которым ты протягиваешь руку за чаевыми и которые глядят на тебя, словно ты – прах, – все они ведь тоже спят с мужчинами за деньги. А звезды кино? Им ведь тоже приходится переспать со мно-

гими, прежде чем они становятся знаменитыми. Такие шлюхи, как я, делают то же самое, что и все.

– Нет, это вовсе не одно и то же!

Кармела не смогла бы ответить, почему она так сказала, но она была убеждена в том, что это совершенно разные вещи.

– Все это я говорила для твоего же блага. А там – поступай как знаешь, – сказала Валентина.

И ушла, раздраженная тем, что почувствовала презрение к своей особе.

Кармела потом долго не могла заснуть в своей каморке на антресолях. Она испытывала отвращение к самой себе, будто предложения Валентины было достаточно для того, чтобы замарать ее. «Прежде всего, то, что она говорила, – неправда. Вот киноактриса из пятидесяти пятого номера, она каждый раз спит с разными мужчинами, и поэтому-то у нее нет до сих пор роли».

Но в то же самое время она спрашивала себя, на что ей можно было в жизни надеяться. Все ее мечты были чистейшим безумием. Даже выйти замуж за ученика аптекаря типа Джино было больше, чем то, что она могла получить. И это подтверждалось тем, что он не прислал ей ни одного письма. И ей, несчастной, придется вкалывать вот так в течение неизвестно скольких лет, чтобы потом, возможно, выйти замуж за какого-нибудь официанта из ресторана отеля и под старость стать горничной второго этажа. От подобной перспективы ей стало так грустно, что хоть умри. И почему бы тогда ей не сопровождать время от времени Валентину в ее ночных прогулках?.. Самопожертвование ради самопожертвования... Что так нищета, что этак... Она теперь уже ненавидела Валентину и была готова разрыдаться. Ей захотелось вновь стать Жанной, и, несмотря на то что времени было уже десять часов вечера, она отправилась в номер графини.

Глава XI

– Я пришла узнать, не нужно ли вам что-нибудь? – сказала Кармела.

Лукреция Санциани спать еще не ложилась. В старом дезабилье из черных со сложными и дорогими узорами кружев, которые двадцать раз напрасно штопались, поскольку от ветхости снова рвались, она сидела, приложив два пальца ко лбу и прищулив глаза. Волосы ее спадали на воротник из длинного китового уса. Она походила на брошенную в тюремную камеру несчастную королеву – что-то вроде Марии Стюарт, – обреченную на вечное заточение.

Нет, она не дремала. Она, казалось, забылась и теперь, ни о чем не думая, плыла по морю своих воспоминаний.

Появление Кармелы ее удивило; она вздрогнула и несколько секунд глядела на девушку недоуменным взглядом. Потом на лице ее появилось нечто вроде разочарования. Молчание ее привело Кармелу в замешательство.

– Вам не нужна Жанна? – робко спросила она.

Санциани медленно встала. Она была пугающе величественна в этих валенсийских кружевах. Подойдя к зеркалу над камином, как бы для того, чтобы вызвать из зеркала прошлое, она несколько секунд простояла перед ним, словно на пороге распахнутой в темноту двери. Затем она обернулась с непонятным образом изменившимся лицом. Казалось, в комнате зажглись десятки люстр.

– Который час? – спросила она.

– Десять.

– Мы уже опаздываем. Но ничего. Он подождет. Прекрасно, что нас ждут всемогущие мужчины. Они любят, когда им есть еще что пожелать и когда перед ними иллюзия новой победы.

Кармела почувствовала, как нервы ее расслабились. Ее немая мольба была услышана. Великий фильм снова начал демонстрироваться для нее одной, и она покинула свою оболочку для того, чтобы снова жить жизнью своего загадочного персонажа.

– Я хочу, чтобы сегодня вечером ты была очень красивой и очень загадочной... – снова заговорила Санциани. – Открой-ка шкаф и возьми сари, что лежит на правой полке.

Кармела не знала, что такое сари. Но сделала вид, что ищет его. Черное бархатное пальто с потертостями, походившими на капли кислотных слез, пальто с оторочкой из меха пантеры – вот все, что она увидела в темном и пустом шкафу. На дне шкафа тускло блестели замки сафьянового чемодана, пряжки старых и растоптанных атласных туфель, защелка сумки, расшитый жемчугом в стиле барокко пояс.

– Нашла?

– Да-да, – ответила Кармела, закрывая шкаф, так ничего оттуда и не взяв.

– Да нет же, у тебя в руках ничего нет, ты смеешься надо мной. Я ведь сказала тебе, справа на полке.

Девушка снова открыла шкаф.

– Здесь какая-то коробка... – произнесла она нерешительно.

– Принеси ее сюда.

Коробка была совсем невесомой.

«Что могло лежать в ней когда-то? – подумала Кармела, ставя коробку перед Санциани. – Почему она ее сохранила?»

Какие воспоминания всколыхнули графиню, странными жестами берущуюся за пустоту?

– Мне подарил его индийский посол, – сказала Санциани. – Он специально выписал его для меня со своей родины. Я надевала его всего пару раз. Но думаю, оно приносит счастье. Оба раза, когда я была в нем, со мной происходили счастливые события... Раздевайся!

Кармела попятилась.

– Ну же, скорее, Жанна, мы ведь и так опаздываем, – сказала Лукреция, – делай, что я тебе говорю, или я не стану больше с тобой заниматься. Снимай это убогое платье, ты в нем похожа на прислугу.

Голос ее звучал властно. Она гордо стояла в своих кружевах вдовствующей императрицы, и Кармела, побежденная и пристыженная, повиновалась. «Если нас кто-нибудь увидит... если об этом узнают... – подумала она, – меня непременно уволят. Что она хочет со мной сделать?»

Она сбросила с себя передник, сняла хлопчатобумажное платьице, аккуратно сложила их и повесила на медную спинку кровати.

– Снимай все. Не станешь же ты надевать сари на белую нижнюю рубашку. С сари носят тунику... И нет ничего страшного в том, что ты покажешься мне обнаженной, уверяю тебя. Стыд – это от неполноценности. Это добродетель, проповедуемая уродливыми женщинами... И от него следует избавиться сразу же, как только узнаешь, что ты красива.

В комнате горела лишь ночная лампа.

Кармела увидела свое отражение в зеркале: она стояла, скрестив руки на груди, ссутулясь; на бедре была заметна маленькая ямочка. Она чувствовала, что колени ее трясутся.

Санциани внимательно осмотрела ее с головы до пят.

– Ну-ка выпрями спину. Гордись своей грудью, гордись своим животом и своей кожей! – воскликнула она. – Отказаться от радости этой гордости – значит отрицать то, что дано Богом, хулить Всевышнего.

Кармела схватила свои одежды.

– Нет, синьора, я не хочу. Лучше мне уйти, – сказала она, и на лице ее было написано безумие.

И остановилась на полуслове, так и не сделав шага, и застыла от изумления, увидев, как старуха приподняла покрытую пылью крышку коробки, в которой действительно было нечто: великолепная ткань, тщательно сложенная и напоминающая наряд феи из сказки.

– Подними-ка руки, – сказала Санциани. – Постой, а где же туника?

И она сделала рукой неопределенный жест, означавший: тем хуже.

Кармела, разведя руки в стороны, как бы предлагая полюбоваться своим телом, с замиранием наблюдала за тем, как из коробки появилась огромная шелковая вуаль темно-синего цвета невиданной на Западе тончайшей работы. Казалось, что нематериальная прозрачность ткани с вплетением золотой нитки вобрала в себя ночь и звезды.

Стоя не шелохнувшись, натурщица и статуя одновременно, Кармела чувствовала, как вуаль накручивалась вокруг ее тела. Вся кожа ее вздрогнула от соприкосновения с этой легкой паутинкой, сотканной руками человека. Под мышкой прошла чуть покалывавшая кайма, а золотые нити слегка раздражили соски. Когда она открыла глаза и повернулась к зеркалу, то увидела, что вся окутана в небесный свод.

Вокруг нее мелькали ловкие опытные руки, совершавшие четкие движения. Время от времени Санциани отступала на шаг, чтобы полюбоваться своим творением не лишенным строгости взглядом.

– Он хочет тебя, а не меня, – сказала Лукреция. – Девочка, пришло твое время быть желанной и выбирать, сегодня вечером я могу или ненавидеть тебя, или руководить тобой. Бороться с тобой с помощью неравного оружия или послать тебя в бой под моим щитом... Что ты сказала? Возможно, но не стоит извиняться, дорогая! Ты не виновата в том, что тебе двадцать лет... Тебе надо сделать другую прическу. Сядь!..

Через ткань сари Кармела видела, как белели ее бедра и икры. По голове скользила гребенка, собирая волосы к затылку, скручивая их в плоский невысокий пучок, который закреплялся толстыми заколками...

Кармела была как во сне. Это было чудесно. Она богата, у нее ловкая служанка, которая ее наряжала. Или, еще лучше, она была восточной принцессой, и королева, ее мать, готовила дочь к балу. Поскольку для девушки, в какой бы стране она ни была, воплощением праздника всегда был бал.

– Не знаю, смогу ли я сделать все как надо, – вновь произнесла Лукреция, – с женщиной, которая на меня похожа. Но у меня, во всяком случае, такое ощущение, что я пересекаюсь в другую плоть. О чем бы я вспоминала, убрав тебя с моего пути? Как он нападет на меня, в худшем случае, в конце вечера? Его я не хочу, мне хотелось бы обладать его могуществом, которым я распорядилась бы гораздо лучше, нежели он. Между нами будет тайна небольшого преступления, от которой он возгордится. Не надо меня благодарить. Я сейчас учусь быть старой.

Она вложила в руку Кармелы свое зеркальце, открыла старую сумку с косметикой, в которой не хватало половины пузырьков, взяла из маленьких баночек небольшое количество оставшейся там косметики и поддурманила Кармеле щеки, нанесла мизинцем краску на губы, удлинила разрез глаз, наложила на веки перламутровые тени и отступила на шаг, для того чтобы оценить свою работу. Потом взяла ниспадавший конец сари и накинула его девушке на голову, словно кусочек ночного неба.

– А теперь посмотри на себя, – сказала она, подводя девушку к зеркалу на дверце шкафа.

– О!.. – только и смогла произнести Кармела, увидев свое перевоплощение.

Она показалась самой себе таинственной, словно божество.

– Надо, чтобы это обошлось ему как можно дороже, – сказала стоявшая позади нее Санциани. – Только не наделяй глупостей. Не стоит никогда ждать, чтобы тебе что-то преподнесли, нельзя ничего грубо отвергать и нахально выпрашивать. Надо удивлять и очаровывать уже самими своими желаниями. Слушай меня внимательно. В холле отеля есть витрина с ювелирными украшениями. Так вот, проходя мимо правой витрины, укажи на большое рубиновое кольцо, в котором сочетаются высокая цена и хороший вкус... И произнеси с детским выражением на лице: «О, как это красиво!» И все, пройди мимо. А если он не поймет, что должен будет сделать, я берусь все ему объяснить.

О каком важном лице, о каком старом господине, о каком министре или магнате шла речь? Кармеле он представлялся властным, толстым, коротконогим, с большим брюшком, в костюме с блестящими лацканами. У него должны были быть большие навывкате глаза, спрятанные за стеклами очков, и вообще он должен был походить на одного из тех восточных принцев, чьи фотографии она видела в газетах и которые приезжали на европейское побережье Средиземного моря для того, чтобы проматывать свои сказочные состояния. Но каким бы с виду он ни был, она была согласна. Скоро ее предложат этому незнакомцу. Отдавая свое тело в обмен на это украшение, она войдет в привилегированную касту... Но колени ее снова задрожали.

– Когда ты останешься... с ним наедине и он пожелает получить то, о чем мечтает, старайся не казаться недотрогой, но и не веди себя словно шлюха. Оставайся сама собой, если сможешь... Это самое сложное. Если не сможешь, помалкивай. Он сообразит, что должен делать; опасение того, что не хватит выдумки, очень их всех смущает. Если этого волнения будет недостаточно, тогда запомни вот что... Зрелые мужчины обожают детские ручки. Но до этого они должны быть раздеты. И тогда ты можешь закрыть глаза, как бы показывая, что прикосновение к мужской силе или к ее атрибутам заставляет тебя отбросить всякую сдержанность и преодолевает твоё сопротивление. Он возгордится, почувствует себя богом. Что же касается остального, то этому не учат. Это тебе или дано, или не дано, а все обучение происходит интуитивным путем и методом проб. Да, кстати, если мы выпьем достаточно для того, чтобы притвориться пьяными, я, возможно, буду рядом с тобой и получу от этого гораздо более горькое удовольствие, чем ты.

Они стояли лицом к лицу перед зеркалом, и древняя королева Ренессанса втолковывала молодой смуглой принцессе свой опыт, произнося слова вполголоса.

– Ну, ступай, милочка, до встречи, – сказала Санциани. – Желаю тебе, чтобы в твоей жизни было столько же счастья и страданий, сколько их испытала я. Другими словами, живи, как я жила.

Она поцеловала Кармелу в лоб, и девушка почувствовала, что была готова разрыдаться. Она вступала в новый период жизни, делала первые шаги на этом чудесном пути. Две крепкие ладони подтолкнули ее к двери.

И, только подойдя к выходу, девушка пришла в себя и вспомнила, что все это было нереально.

– Сейчас, синьора графиня, я верну вам это великолепное платье, – сказала она.

– Нет-нет! Я его больше никогда не надену. Оставь его себе, оно твое.

На лице Кармелы был написан страх не устоять перед соблазном. Ведь воспользоваться затмением сознания человека хуже, чем просто обокрасть его.

– Я тебе его дарю, уверяю тебя, – повторила Санциани. Посмотрев девушке в глаза, она добавила тихо, но внятно: – Кармела.

И Кармела очутилась в коридоре, освещенном одной слабой дежурной лампой.

Потом, запершись в своей дежурной камере, она спешно надела свою старую рабочую одежду, опасаясь, что ее увидят в сари.

Но, переодевшись, она вдруг почувствовала, что именно эта одежда для нее чужая.

Она долго не могла заснуть и продолжала видеть себя обнаженной, в звездном шарфе и чувствовать, как сосков ласково касаются золотые нитки этой сказочной ткани.

Глава XII

Консьерж Ренато изображал на лице обычное для него выражение человека, знающего гораздо больше того, что он может сказать. Он обменивался с посыльными только им одним понятными полужестами и выдавал ключи с этакой рассеянной вежливостью. Было ясно, что случилось что-то необычное. Ренато вел себя так в исключительных случаях. Например, когда киноактриса совершила попытку самоубийства или когда в отель приходила полиция по делу о наркотиках.

Очень скоро весь персонал отеля узнал такую новость: к графине пришли с визитом.

Целых два года она оставляла портье послания, за которыми никто не являлся, и посылала телеграммы умершим. Поэтому у всей прислуги сложилось мнение, что она больше никого на этом свете не знала, что у нее не было больше ни родных, ни друзей и что таинственное проклятие очертило вокруг нее запретный круг.

Подобная уверенность, став мифом, вызывала нечто вроде уважения.

И вот сегодня какая-то иностранка заявила в отель и спросила, где живет графиня Санциани.

Едва узнав об этом, Кармела с учащенно забившимся от любопытства сердцем устремилась к комнате графини. Было как раз время подготовки постелей, поэтому ей даже не надо было искать предлога для того, чтобы войти в номер.

Посетительница сидела напротив Санциани. Этой женщине на вид было около пятидесяти лет. У нее был высокий морщинистый лоб, желтые от никотина пальцы, узкая юбка и запыленные туфли.

– Объясни же мне, зачем ты сюда приехала, – спросила Санциани гостью.

– Да ведь я только что обо всем тебе рассказала, – ответила та. – Я приехала с трупой Паламоса.

– Вот как! А почему именно с ним?

– Так ведь я изготовила все их костюмы. А этот великий чудак Паламос, который, кстати, ведет себя по отношению ко мне очень мило... так вот, его некоторые обвиняют в снобизме, в том, что он злой человек... это неправда. Просто его надо знать. К тому же эта трупша разоряет его. Но то, что он ставит, просто великолепно, иначе не скажешь. Но ты завтра все увидишь сама. Ты ведь пойдешь на представление, не так ли? Дорогая моя, ты просто обязана прийти посмотреть на это! Скрывин в «Синей птице» – такого не видели со времен... со времен Нижинского. Говорю тебе, это сокровище трупы Паламоса... Да, кстати, что я тебе говорила до этого?

Гостья говорила по-итальянски с сильным акцентом, но довольно бойко и слегка хриплым голосом. Курила она одну сигарету за другой, не переставая. Кармела, украдкой за ней наблюдавшая, без всякой снисходительности подмечала все мелочи: и слишком глубокие следы от прививки оспы на округлой руке, и машинальное, похожее на нервный тик движение головой, которым она отбрасывала волосы на одну сторону. Девушка старалась размышлять: «Я очень рада за графиню. Этот визит развлечет ее!» Но в то же самое время она ревновала Санциани к этой незнакомке.

– Так, значит, ты по-прежнему хочешь иметь свою мастерскую по пошиву исключительно театральных костюмов? – снова спросила Санциани. – Ты так и не отказалась от этой идеи?

– Эта мастерская существует, дорогая, вот уже четырнадцать лет. Ты ведь сама помогла мне с ней вначале. Неужели забыла? А я вот этого никогда не забуду. У меня были с ней и трудности, и успехи. К счастью, заказы Паламоса мне очень помогли.

– Если это тебе поможет, я могла бы поговорить о тебе с Полем Пуаре.

– Но, Лукреция, Пуаре ведь умер!

– Как умер?

– Ты что, не знала? Он умер в конце войны в страшной нищете... Впрочем, это ожидает нас всех, – сказала гостя, еще сильнее наморщив свой высокий лоб.

– Странно, а мне показалось, что я его видела несколько дней назад, – произнесла Санциани.

Кармела нагнулась, чтобы поставить стоптанные домашние туфли рядом с прикроватным ковриком.

– Жанна, я все хочу тебя спросить... – сказала Санциани.

Девушка резко выпрямилась. Но оказалось, что графиня, произнося имя Жанна, обращалась к сидевшей напротив нее иностранке.

Кармела не расслышала ни конца вопроса, ни ответа на него. Она почувствовала щемление в груди, и ее охватило чувство, что она что-то потеряла, что ее предали, ограбили; такое чувство обычно испытывает любовник, случайно узнающий из разговора о том, что его обманывали. Когда к ней вернулась способность понимать то, о чем говорят, она услышала, как гостя сказала:

– Знаешь, когда умер этот бедный Тейфик, я подумала о тебе. Довиль, Канны, Лондон, я снова там побывала. Я хотела написать тебе, но не знала, где ты находилась.

Сомнений быть не могло: воспоминания, о которых говорила эта иностранка, неоспоримо доказывали, что она была Жанной, настоящей Жанной. «Значит, она на самом деле существует. Это она», – подумала Кармела.

Санциани подняла на свою подругу недоумевающий взгляд.

– Кто такой Тейфик? – спросила она. – Я с ним не знакома.

– Как это не знакома? Тейфик Хальфази, твой паша! – воскликнула гостя, беря Санциани за руку. – Что с тобой, дорогая?

– Возможно, я пока не повстречала Тейфика, – произнесла Лукреция.

Глаза ее были затуманены, черты лица заострились. Понизив голос, она доверительным тоном сказала:

– Я владею одной важной тайной, Жанна. Я открыла нечто важное для себя. Люди умирают из-за нас, по нашей вине. Мы даем им умереть, потому что желаем от них избавиться. Что такое люди? Увиденное нами лицо, услышанное слово. Люди живут в нас. Никто не умирает, если мы этого не захотим. Если я буду продолжать думать о тебе, что ты такая, какой я тебя встретила, ты не умрешь никогда. А вот мне все разрешили умереть.

Кармеле больше нечего было делать в номере, и она потихоньку пошла к двери.

Очутившись в коридоре, она подошла к зеркалу. В ее жизни зеркала начинали играть все большую и большую роль, и всякий раз, когда у нее возникал вопрос, она за ответом обращалась, естественно, к зеркалу. «Да, у меня почти тот же цвет кожи, – подумала она. – И такие же черные волосы». Она пару раз попробовала повторить резкое движение головой, для того чтобы перекинуть волосы на одну сторону. «Неужели я стану такой же? У нее карие глаза, белки совершенно желтого цвета. А у меня – голубые. И потом, у меня ладони намного меньше, чем у нее... Нет, я не Жанна, я – Кармела... я красивее ее, я моложе... и я – ничто. Для графини я была всего лишь игрушкой. А теперь она говорит, что все дают ей умереть».

Любопытство, взяв верх над остальными чувствами, подтолкнуло, несмотря на охватившее ее грустное настроение, к двери номера пятьдесят семь. «Подслушивать нехорошо, я не должна так поступать, это дурно».

Но ухо к двери все же приложила. И услышала голос Санциани:

– Жанна, не могла бы ты одолжить мне немного денег? У меня больше ничего нет.

– Ты что же, все продала? – ответил другой голос. – Все свои драгоценности?

– Все до единого. Все меха, всю одежду...

– И даже то великолепное сари, которое у тебя было?

Сердце Кармелы учащенно забилося.

– Ты помнишь тот невероятный вечер с...

Имени Кармела не разобрала.

– Я была тогда чуть жива от страха. Не будь тебя рядом, я бы никогда не посмела.

Значит, ты продала и сари? – продолжала гостя.

– Нет же, я подарила его тебе.

– Что ты, дорогая! Ты хотела подарить его мне, но я отказалась принять этот подарок, поскольку считала, что рубинового колье было вполне достаточно.

– Ну тогда, значит, я подарила его кому-то другому, – спокойно произнесла Санциани.

– Ты поступила глупо. Сегодня оно стоило бы очень дорого. Не меньше ста тысяч лир.

Взволнованная, Кармела отошла от двери.

«Вот как. Если бы я не подслушивала, я никогда бы этого не узнала. И что мне теперь делать?»

Была ли она вправе оставить себе сари после того, как узнала его цену, а у старухи не было денег на пропитание? Продать его? И отдать деньги графине? Но где? И потом, торговец обязательно поинтересуется, откуда у нее эта ткань. Если она скажет правду, он ей не поверит и примет за воровку... Что же делать? «Подожду, пока эта дама выйдет из комнаты, и все ей расскажу».

Но в этот момент послышался звонок вызова в номер американки. А когда Кармела освободилась, гостя графини уже ушла.

Входя к Санциани, Кармела была полна решимости сказать графине, что возвращает ей ее подарок. Но Санциани открыла сумочку, вынула оттуда бумажку в пятьсот лир и протянула ее девушке.

– Я всех вас отблагодарю в моем завещании, – сказала она.

Смущенная Кармела взяла бумажку и ничего не сказала. Вечером она узнала, что счет, предъявленный графине администрацией, был оплачен. А вскоре в номер графини принесли туберозы, наполнившие комнату своим тяжелым ароматом. И Кармела оставила сари у себя, спрятав его в потайном уголке своей комнатки.

«Она же ясно произнесла мое имя, когда дарила его: Кармела. Она прекрасно знала, что это была я», – думала девушка, стараясь оправдаться перед своей совестью.

Глава XIII

Все ее толкали: и машинисты, поднимавшие декорации, и костюмерши, носившие кучи костюмов. Прижавшись к стене, Кармела ничего не понимала в водовороте людей вокруг нее. Балерины опробовали свои пуанты. Мужчины в красных трико стояли перед зеркалами, подняв над головой руки и натянуто улыбаясь. Все звали друг друга, кричали что-то на всех языках мира, какая-то высокая молодая женщина в бюстгальтере, с выступавшими ребрами и мускулистыми ногами, рыдала в окружении старавшихся успокоить ее странных существ, одетых в тюль и с присыпанными золотой пылью лицами.

«Что это с ней? – подумала Кармела. – Она ударилась или получила известие о смерти любимого человека?»

Все, что Кармела здесь видела: эти блески, эти трико, эти размалеванные нечеловеческие лица, – все вызывало в ней какое-то беспокойное удивление. Вот уже двадцать минут

она бродила за кулисами театра «Аргентина» в поисках Жанны. Никто на ее вопросы не отвечал, а те немногие, кто соизволил ответить, махали руками в непонятном направлении. И она шла вперед, словно проказливый ребенок, проникший в сказочный и запретный мир. Горло ее перехватывал сильный запах пыли и пота, некий аромат скитаний. Она пробралась в эту феерию через служебный вход... Внезапно раздался звонок, напомнивший ей звонок вызова горничной в номер, но бывший в десять раз более громким. Суэта за кулисами усилилась, а за занавесом оглушительно заиграл оркестр.

В одной из приоткрытых дверей Кармела вдруг увидела Жанну Бласто. Но та казалась столь занятой, а сцена, в которой она принимала активнейшее участие, была столь странной, что Кармела, забившись в уголок, решила немного подождать.

Ей были видны прямые волосы, дергающееся от нервного тика лицо, полуприкрытые веки и сбившийся набор галстук маркиза де Паламоса, который полулежал в кресле артистической уборной. Она видела также, как Жанна и двое мужчин суетились вокруг него, словно врачи «скорой помощи» вокруг жертвы несчастного случая на дороге. Слишком резкий свет лишенной плафона электрической лампочки, призванной светить актерам при наложении грима, заставлял блестеть узкий лакированный полуботинок, надетый на белый шелковый носок и дергавшийся в такт с тиками лица.

– Мне плевать на ее слезы! Мне плевать на то, что она много выше Скрывина! Она будет танцевать! Они будут танцевать вместе! – говорил Паламос.

Голос его более подходил для нежных выражений. А когда маркиз был в гневе, голос становился тонким и переходил в фальцет.

– Успокойся, Антонио, успокойся, – сказала Жанна, взяв его руку в свои ладони. – Уверяю тебя, они будут танцевать и все будет прекрасно. Это ведь повторяется всякий раз. Вспомни, что было в Лондоне!

Взгляд у нее был какой-то неуверенный, волосы переброшены на левую сторону, и она, казалось, плыла в каком-то состоянии опьянения, увлекаемая приливом чувств. На ней было блестящее платье с глубоким декольте, из которого при каждом ее движении грозили вывалиться крупных размеров груди.

– И опять во всем виноват Скрывин, – снова заговорила она. – Ему не следовало, воспользовавшись твоим отсутствием, уходить с репетиции, да еще при всех оскорблять бедную Барбару.

Маркиз вскочил на ноги, едва не смахнув фалдами фрака стоявшие на подносе стаканы с виски.

– Виновен или невиновен, – закричал он, – но настанет день, когда я верну публике деньги за билеты, выставлю всех за дверь и не будет больше никакого балета! Надоело мне все это! Я трачу деньги, гублю свое здоровье, и ради чего? Ради неблагодарных людей, которые без меня были бы ничем. Я обеспечиваю их жизнь, даю им возможность прославиться, делаю из них кумиров. Жертвую всем ради них. Из-за них я не смог присутствовать при кончине моей бедной мамы. Ты это знаешь, Жанна, ты знаешь! Фабрику монстров – вот что я создал! Но все, с меня довольно. Уеду к себе в Гренаду, запрусь в своем дворце, и они на коленях приползут ко мне и станут умолять продолжить все это.

– И ты согласишься, – сказала Жанна.

– И они меня прикончат. Вольф! Как вы полагаете, могу я принять вторую таблетку гарденала? Это не опасно? – спросил он, повернувшись к мужчине лет тридцати пяти в плохо сидящем смокинге. На морщинистом лбу у того были очки, из ушей выбивались пучки волос.

– Конечно, конечно, – ответил Вольф. – Что касается Скрывина, то совершенно очевидно, что он комплексует из-за своего роста. Ему не хватает пяти сантиметров, в этом-то все и дело.

– Да я вас не об этом спрашиваю, – крикнул Паламос. – И не надо отвечать мне «конечно, конечно» с таким видом, будто вам на все наплевать. Так могу я выпить еще одну таблетку без риска для здоровья? Да или нет? Отвечайте!

– Конечно да! – сказал Вольф. – В таблетке одна сотая грамма. Их прописывают грудным младенцам.

– Я прощаю вам вашу иронию. Если бы вы побывали в моей шкуре, вам было бы не до шуток. Кстати, почему это вы не пошли успокаивать Барбару?

– Потому что сделать это можете только вы, – ответил Вольф.

– Тогда зачем я держу в труппе врача?

– Я и сам удивляюсь, – сказал Вольф и сделал шаг по направлению к двери.

– Вольф, Вольф, не валяйте дурака, сейчас не самое удачное для этого время, – вмешалась Жанна, хватая врача за руку.

– А что здесь нужно вот этой девчонке? – вдруг произнес маркиз, указывая на Кармелу жестом дряхлого генерала, сраженного в тот самый момент, когда он отдавал приказ идти на штурм.

Кармела еще сильнее вжалась в стену своего убежища. Страх ее был тем более велик, что она ничего не понимала из того, что говорилось, поскольку разговор в уборной шел на французском.

Но, на ее счастье, в этот самый момент в комнату вихрем влетел какой-то молодой человек в черном, облегающем тело трико, державший в руках букет и листья деревьев. Он воскликнул:

– Слышите? Слышите?!

Все смолкли и услышали отдаленный шум, напоминавший стук проливного дождя по крыше.

– Снова успех, – сказал молодой человек, целуя руки сраженного генерала. – Вы должны пойти поздравить Барбару. Она только этого и ждет, чтобы снова начать улыбаться.

– Мой маленький Серж, ты великолепен, – сказал маркиз, положив руку на его плечо.

Они все вышли из комнаты. Жанна Бласто чуть задержалась, допивая свой виски, и в этот момент к ней приблизилась Кармела.

– Синьора, я горничная отеля, – сказала она. – Ваша подруга графиня больна. Я думаю, ей нужен врач.

И так быстро, как только могла и как позволяло ее волнение, она объяснила, что Санциани с утра начала жаловаться на сильные боли в пояснице и весь день не вставала с постели. Малейшее движение вызывает у нее крик. Кармела сходила за обедом в ее ресторанчик, но пожилая дама к пище даже не притронулась.

– А начиная с шести часов вечера она вообще перестала шевелиться. Лежит как неживая. И дыхание чуть слышно.

– Помнится, с ней такое уже случалось, – сказала Жанна. – Почему же ты не вызвала врача из отеля?

– Они там, в отеле, относятся к ней очень плохо, – покраснев, ответила Кармела.

И добавила, что она боится, как бы незнакомый врач, осматривая Санциани, не констатировал у нее помутнение рассудка и не решил отправить ее в больницу. Или же этим сможет воспользоваться администрация отеля для того, чтобы избавиться от графини. А она не хочет, чтобы графиню у нее отняли.

– Так это она тебя ко мне направила? – спросила Жанна.

– Нет. Когда я спросила у нее, где вы живете, она не смогла вспомнить. Она не вспомнила даже о том, что вы вчера к ней приходили. Потом дала мне ваш парижский адрес.

Хорошо, что я запомнила то, что вы говорили в ее комнате про балет, и решила, что лучше всего было прийти сюда.

– Ты, значит, ее так сильно любишь? – спросила Жанна Бласто, взволнованная тревожным выражением лица девушки.

– О да, синьора!

Жанна погладила ее по щеке.

– Пойдем со мной, – сказала она.

Они вышли в коридор, и Жанна толкнула дверь в другую уборную, где Кармела увидела ту танцовщицу, которую наблюдала рыдающей несколько минут назад. Паламос со всем своим штабом окружали эту длинноногую богиню с тонким носом, выступающими ребрами и сильными бедрами. На лице у нее не было ни малейшего признака недавних слез. Она умела, видимо, лить слезы, которые не мочили лица. С диадемой на голове, с накрашенными черной тушью ресницами, с фиолетовыми тенями на веках и удлиненными ярко-красной краской глазами, Барбара Двайс упрямо продолжала дуться на Скрывина. В уборную влетел запыхавшийся, усталый, разбрызгивающий вокруг капельки пота чернявый, маленького роста, коренастый мужчина с курчавыми волосами, с усыпанными фальшивыми камнями плечами и с нескромно выделявшимися мужскими половыми признаками. Это был Скрывин, которого вызывали на бис семь раз.

Все окружили его, стали хватать за руки. Паламос подтолкнул его к Барбаре Двайс.

– Поцелуй ее, и пусть это все закончится, – сказал он.

Звезды обменялись поцелуем Иуды, причем каждый из них в этот момент смотрелся в зеркало. У всех присутствовавших вырвался вздох облегчения.

– Антонио, – сказала Жанна, профессиональным жестом поправляя оборку на платье одной из балерин, – не мог бы ты отпустить со мной Вольфа? Моей старой подруге очень плохо. Я хочу, чтобы он ее посмотрел.

– Не говори об этом при них! – зашипел Паламос, указывая на танцовщиков, словно Жанна допустила непростительный промах. – Ты ведь знаешь, они такие впечатлительные. Да, делай все, что хочешь, Жанна, дорогая, но только не сейчас. После представления – пожалуйста!

– Но, говорю тебе, она может умереть. Надо торопиться, уверяю тебя!

– Нет, это невозможно. Пока я отпустить Вольфа не могу. Он сможет отлучиться... после представления, только после него. Танцы – жестокое искусство, сама знаешь.

Жанна перекинула волосы на левую сторону и повернулась к Кармеле.

– Я скоро пойду с тобой, обещаю, – сказала она девушке. – Не хочешь ли посмотреть окончание спектакля?

Написав что-то на листке бумаги, она подозвала костюмершу и попросила ее отвести девушку на галерку.

Глава XIV

Около часу ночи, когда Жанна Бласто и доктор Вольф прибыли в отель «Ди Спанья», Санциани была уже на ногах и в самый разгар войны 1914 года выступала в политическом салоне, организованном у нее на квартире на улице Талейрана. Она возмущалась тем, что парламент продолжал находиться в Бордо.

– Эвакуированы служащие, ладно. Но руководители должны оставаться в столице!

Стояла холодная зима, уголь был страшным дефицитом. Поэтому она куталась в меха.

Она позвонила, чтобы вызвать Кармелу, которая ожидала в коридоре с расширенными глазами, очарованная только что увиденным балетом, и велела ей подбросить в камин дров, назвав при этом девушку Карлоттой. И не стала проверять исполнение своего распоряжения,

ибо знала, что ее приказы всегда выполнялись немедленно и точно. Да к тому же и голова у нее была занята совершенно другими вещами.

Она не выказала ни малейшего удивления ни когда в комнату вошел Вольф, ни когда Жанна сказала ей, что он врач. Она его немедленно «узнала».

– Почему вы не надели сегодня ваш красивый полковничий мундир, мой милый Эмиль?

Она представила его.

– Доктор Лартуа, – объявила она, указывая на Вольфа.

Жанну она поразила тем, что назвала ее Мадленой Ордене. Ведь именно так звали ее мать.

В комнате среди теней находился известный драматург Эдуард Вильнер, возвращавшийся в Главный штаб. Он записался в армию добровольцем в самом начале войны, несмотря на то что по возрасту уже не подлежал призыву. Патриотизм и самопожертвование заставили его примириться со своими собратьями. Там же находился прибывший в командировку в Париж вице-председатель партии радикалов Роберт Стенн. К сожалению, профессор Лартуа разминутся с Аристидом Брианом, этим «восхитительно умным и гуманным человеком, полностью разделяющим наши взгляды». Тот был здесь с кратким визитом и только что откланялся.

– У тебя сегодня утром болела спина? – спросила Жанна.

Да, возможно... Она уже не помнит. Но это и не важно! Время ли теперь думать о таких пустяках, когда чудесные молодые люди... О них она думала, когда расчесывала волосы, и с ними она умирала. Она начала импровизировать на тему молодости и смерти, красной крови и мерзлой земли, вспомнила о загубленных судьбах, увязала в один огромный венок все часы, годы, все загубленные на черных равнинах войны жизни. Она поставила основные неразрешенные вопросы перед неким божеством. Сердце ее билось в такт с неровным ритмом жизни планеты, в жилах ее толчками пульсировала кровь, словно это гремели пушки.

Ей было тридцать семь лет. Она была все еще сказочно красива и уверена в себе. И не только из-за своей красоты.

Она, имевшая столько знаменитых любовников, теперь отдавалась самому великому, превосходящему всех их: Истории. И она почувствовала, что призвана вдохновлять тех, кто решает судьбу битв и командует армиями. Ночи свои она отдавала героям сражений и государственным деятелям, вручая им свое тело как награду.

– Бриан мне только что сделал самый приятный комплимент, который только может услышать женщина, – заявила она. – Он сказал мне: «Ваше изображение следовало бы выбить на медалях в честь Победы».

Итальянка со скандальным прошлым, она смогла сделать так, что ее считали большей француженкой и патриоткой, чем генеральских супругов. И такой она была принята в обществе.

Она прекрасно понимала, что ее могли упрекнуть в том, что до войны она была любовницей кайзера. Но у нее хватило ума не делать из этого тайны, и она смогла показать всю недолговечность этой связи, а одновременно получила право дать очень обнадеживающие для союзников конфиденциальные сведения о германском императоре, о его физических и умственных недостатках, о его мании величия и навязчивых идеях.

И в то же самое время она тепло говорила о Габриеле Д'Аннунцио, об общности их мыслей, о союзе их сердец, предоставляя гостям возможность домыслить этот роман, изложенный намеками.

Когда она произнесла имя поэта, то повернулась к зеркалу, в котором лишь она одна видела Вильнера.

– Ты уже уходишь, Эдуардо? Да, я понимаю, ты падаешь с ног от усталости. Но не забудь навестить меня завтра: нам нужно о многом переговорить, – сказала она, провожая эту тень до двери и протягивая в пустоту руку для поцелуя.

Затем, закрыв дверь, она повернулась к Жанне и сказала ей по секрету:

– Видела? Эдуарду не нравится, когда я говорю о Габриеле. Однако уж ему-то жаловаться не приходится. Но все дело в том, что он из тех мужчин, в которых ревность живет гораздо дольше, чем любовь. И опять же вопрос соперничества в литературе. Они в чем-то похожи, хотя и дети разных народов. И тот и другой – литературные кондотьеры.

– Вы очень близко знали Д'Аннунцио? – вкрадчиво спросил доктор Вольф.

Санциани, подметая потертый паркет кружевами своего дезабилье, улыбнулась улыбкой, в которой ясно читалось то, о чем она не хотела говорить вслух.

– Может быть, вы помните в книге «Дитя сладострастия» то место, где говорится о «той, которую он покорил с помощью пантер»? Габриеле давно уже хочет написать роман, в котором главной героиней буду я. Но пока у нас и так есть чем заняться...

Это у нее прозвучало несколько высокомерно. Но высокомерие это было оправданно, ибо Лукреция с началом боевых действий поставила себе одну, вполне конкретную цель. Она не щипала корпию, не старалась завоевать дешевую славу подобно многим другим светским красавицам, разъезжавшим по тыловым госпиталиям и раздававшим раненым улыбки сострадания. Цель, к достижению которой она стремилась, была намного более важной и значительной. Она задумала заставить Италию вступить в войну на стороне Франции. И она решила, что не будет знать отдыха до тех пор, пока не начнут сражаться бок о бок армии обеих стран, одна из которых была ее родиной по происхождению, а другая стала родиной, покорив ее сердце. И она беспрерывно писала Д'Аннунцио письма, сообщая ему день за днем о героизме и ожиданиях французов, держала его в курсе событий на политической кухне Европы.

А там, по ту сторону Альп, поэт взбирался на цоколи памятников и, держась за древки бронзовых знамен, будоражил умы людей для того, чтобы втянуть свою страну в эту схватку народов. Здесь, в Париже, она являлась как бы авангардом Италии, обеспечивая контакты и налаживая новые связи.

– В любом случае ваши замечания, мой дорогой председатель, – сказала она, повернувшись в ту сторону, где должен был стоять только что представленный вновь прибывшим Роберт Стенн, – сегодня же вечером будут переданы кому следует. Да, самым деликатным образом, будьте покойны. Я подам их как мои собственные выводы из нашего с вами разговора. Габриеле восхищен вами, я это знаю. И потом, у нас есть человек, который сможет быть нам очень полезен. Это моя близкая подруга герцогиня де Сальвимонте.

Вице-председатель партии радикалов намекнул ей на некое дело о секретных фондах, на что она вполголоса ответила:

– Не знаю и не считаю. Все мое состояние отдано на службу Франции. Если наступит день, когда оно будет истрачено, я вам об этом скажу.

Жанна Блосто, на которую, кроме того, что она видела, действовало и принятое незадолго до этого спиртное, готова была разрыдаться. От вида Санциани, стоявшей огромным, закутанным в черные кружева монументом в музее усопших и управлявшей уже свершившимися судьбами, становилось как-то не по себе. Привыкшая иметь дело с людьми, совершающими странные поступки, и живущая в неясном мире образов, Жанна во время первого свидания не поняла, в каком состоянии была ее подруга. Отметила только некоторые провалы памяти, которые тут же списала на старость, разорение, несчастья в жизни. А фразы вроде: «Это мы даем людям умереть» – ее вовсе не удивили. Лукреция всю жизнь высказывала уверенным голосом подобные странные сентенции, свои толкования неизведанного,

которые являлись результатом необъяснимых логических размышлений. В прошлый раз она не видела подругу в таком состоянии, в каком та была сейчас.

Она несколько раз порывалась остановить ее, вернуть в реальный мир:

– Лукреция, дорогая, умоляю, выслушай меня...

Но Вольф жестом делал ей знак замолчать. Он, казалось, был чрезвычайно заинтересован увиденным, сморщил лоб и часто потирал росшие из ушей пучки волос...

Лукреция выпрямилась и, указывая на только что вошедшую в комнату тень, воскликнула:

– А! Вот и Мишель Нойдекер. Входите же, молодой бог Марс. Вот вам, председатель, человек, которого следовало бы отправить в Италию на помощь Габриеле. Лучшей живой рекламы и быть не может. Да, я знаю, милый Мишель, вы не хотите ничего другого, только биться в небе. Но мы дадим другие сражения, вы когда-нибудь узнаете, насколько они будут грандиозны, и вам от этого станет много легче. Как он прекрасен! Можно подумать, что на нем надета магнитная броня, которая притягивает кресты.

Она сделала такой правдоподобный жест, чтобы погладить эту увешанную орденами грудь, что всем присутствовавшим в комнате людям на мгновение показалось, будто они видят перед собой этого авиатора, чьи портреты восхищали их в молодости и который, став во время войны национальным героем, после окончания боев опустился до наркотиков и начал выписывать необеспеченные чеки.

Вдруг Санциани смолкла. Лицо ее обмякло, блеск воспоминаний как-то сразу угас. Она стала похожей на столетнюю старуху. Какую же неудачу потерпела она в своих галлюцинациях? Ведь Италия вступила в войну, и война была выиграна. Не Нойдекер ли был ее поражением?

– Как ужасно то, что я только что увидела, – сказала она, закрыв лицо ладонями. – Я увидела себя старой в нелепой комнате с тобой, Мадлен, и с вами, Лартуа, и вы утешаете меня... успокаиваете, чтобы я не волновалась... о чем... о том, что жила? У меня иногда бывают вот такие молниеносные предчувствия. Так я увидела мертвой мою мать за десять лет до ее смерти. Я увидела ее воочию, совсем рядом. И спустя десять лет я узнавала мебель, кровать, маску, которые раньше не видела... Думаю, у меня нервы на пределе. Когда со мной такое случается, начинаются какие-то мистические явления. Мы ничего не знаем, и временами неизвестное является мне, но так внезапно. И мгновенно исчезает!

– Не позволите ли осмотреть вас, любезная? – спросил Вольф.

– Что ж, пожалуй. Пойдемте в соседнюю комнату, – ответила Санциани, направляясь к кровати. – Мадлен, ты можешь остаться, у меня от тебя секретов нет.

– О, умоляю тебя, перестань говорить о маме! – вскричала Жанна Бласто, находясь на грани истерики.

И забилась в рыданиях.

Глава XV

Кармела больше уже и не старалась понять. Спать ей тоже не хотелось. Время как бы стало бесконечным. Временами перед ее усталыми глазами коридор куда-то уплывал, а когда она поднимала веки, то с удивлением видела перед собой все тот же коридор отеля, все те же двери, все ту же покрытую эмалью табличку с цифрой 57.

Какая-то изможденная женщина рыдала при свете голый лампочки, а секунду спустя появлялась она же, но уже подпрыгивающая и улыбающаяся, вся какая-то светящаяся от радости. Вокруг нее опустились на пол замки и леса из тюля. Она сделала пируэт... второй... пятый... шестой пируэт в прыжке, пройдя по всей сцене, и вернулась в центр. Став на кончик носка, она начала крутиться на одном месте, да так быстро и долго, что от этого

захватывало дух. И весь зал – мужчины во фраках и женщины, сверкающие драгоценными украшениями, вскочили со своих мест и начали хлопать и кричать от восторга. И Кармела делала как они, перегнувшись над перилами самого высокого балкончика, но визжать она не посмела, посчитав, что дикие крики имели право издавать только люди очень богатые, благородные, образованные, те, кто заполнял партер и ложи театра. А потом на фоне декораций появился чернявый коротышка. Он тоже подпрыгнул, и раньше, чем он опустился на пол, зал снова принялся хлопать и кричать. Из туманного парка появились девушки, одетые так, как когда-то одевались синьоры. Хотя узкие короткие одежды девушек не могли скрыть явно женских форм, они стали бегать и метаться по сцене... Вернулась высокая женщина в сопровождении того человека; он подпрыгивал сам, приподнимал женщину, опрокидывал ее, бесчувственную, сжимая в объятиях; ноги молодой женщины при этом продолжали рассекал воздух, и делала она это томно, в такт движениям смычков оркестра. И было непонятно, являлись ли эти движения музыкальными или же были эротическими; удар литавр вновь подкидывал ее в воздух. Почему же эти люди не поют? Ведь они явно играли историю любви!

Кармела не знала, кем бы она предпочитала быть: блестящей танцовщицей, которой пришлось дважды представлять на сцене свою смерть, чтобы затем, скрестив ноги, с благодарностью посылать воздушные поцелуи обезумевшей от восторга публике, или же одной из этих дам, обнаженных почти так же, как балерина, представлявших из лож на всеобщее обозрение свои улыбки, оголенные плечи и драгоценные украшения.

Но почему же графиня, которая, казалось, была при смерти после обеда, стала вдруг вполне здорова физически и снова заговорила на этом непонятном Кармеле языке? Почему синьора Жанна вместо того, чтобы обрадоваться выздоровлению подруги, рыдала, выйдя в коридор, и грудь ее высоко вздымалась под сверкающим платьем?

Из комнаты вышел Вольф.

– Как она? – с тревогой в голосе спросила Жанна.

– У нее, несомненно, есть что-то странное в области позвоночника, – ответил Вольф. – Но сегодня она страдала не от этого, поскольку боли еще продолжались бы. Она переболела какой-то своей давней болезнью.

– Я ведь говорила вам. С ней такое уже было сразу же после войны, именно в то самое время, когда она начала заниматься со мной. И длилось это несколько недель... Никакое лечение не помогало, а потом в один прекрасный день все прошло...

– Не исключено, что эта старая болезнь была с ее стороны бессознательной симуляцией, позволявшей скрыть горе или страдания, которые она испытывала, чувствуя, что стареет.

– Но, Вольф, а как у нее с рассудком? Она же безумна!

Они и не подумали отойти в сторонку и остались рядом с Кармелой, подобно тому как врачи, выйдя из палаты больного, обсуждают результаты осмотра в присутствии его родственников. Девушка, хотя и не понимала ни слова, не спускала с них глаз. В тиши этажа слабо слышался стук пишущей машинки.

– Я не стал бы настаивать категорично на диагнозе безумия, – ответил Вольф, проведя ладонью по своему напряженному лицу. – Случай этот довольно редкий, и я сожалею о том, что не могу ее наблюдать. На первый взгляд это напоминает галлюцинации из прошлого, так называемое явление экмнезии. Но в этом бреде меня удивляет некий порядок. Она плывет против потока времени и убивает в себе воспоминания, начиная с наименее отдаленных. Поскольку каждый вновь прожитый ею отрезок времени заканчивался личной трагедией, оставляя ее неудовлетворенной, она обращает свой взор к предыдущему временному отрезку своей жизни в поисках тех надежд и планов, которые она строила, начиная жить

в данном отрезке. Правда ли все то, что она рассказывала, все то, что она переживала вновь? Был ли у нее салон героев и министров?

– Да, правда. Все абсолютно точно. И потом, я сама видела ее с этими мужчинами. Она действительно сыграла важную роль в Первой мировой войне.

– Когда я уходил от нее, она была уже на два года раньше той сцены, при которой мы присутствовали только что. Но продолжала называть меня профессором Лартуа. Нет сомнений в том, что она была с ним очень близка именно в то время, поскольку начала очень неохотно отвергать, клянусь вам, мои домогательства... По моим оценкам, она уже уничтожила воспоминания о второй половине своей жизни. Повторяю, больше всего меня удивляет то, что делает она это систематично, почти с удовольствием. Но со стариками всякое случается...

– Это ужасно, – простонала Жанна. – А что можно сделать?

– Ничего, – ответил Вольф. – Ну, дать успокоительное... Что же еще? Вызвать местного врача, который, вне всякого сомнения, немедленно упрячет ее в психушку? Врачам-то, конечно, было бы интересно провести клинические наблюдения за ней. Но это не для нее. Поскольку у нее нет денег, ее поместят в обычную психлечебницу. Ей было бы гораздо лучше остаться здесь до тех пор, пока ее отсюда не попросят. Представьте себе и такой вариант: ну поместите вы ее в лучшую клинику для психических больных, где за ней будут ухаживать и даже вылечат! И что вы сможете ей тогда предложить? Чтобы она поняла, что стала старухой, что потерпела поражение, которое она отказывается признать? Ведь она же более счастлива, представляя себе, что вновь живет в том времени, когда она была молодой и красивой, купалась в золоте и имела кучу любовников! Мне лично кажется, что жестоко поступают те, кто стремится излечить человека, одержимого манией, не имея при этом ничего, что могли бы предложить ему взамен его мании... И к тому же у нее есть вот эта преданная ей девочка, которая поддерживает игру и делает вид, что подбрасывает дрова в камин по ее просьбе... Очень милая, кстати, девочка. Она тоже любопытный случай... Такое сострадание, такое участие в бредовых сценах...

Догадавшись, что речь шла о ней, Кармела скромно отвела глаза в сторону.

– Но вот что мне было бы интересно узнать, – продолжал Вольф, – так это чем все закончится. Умрет ли ваша старая приятельница после того, как исчерпает все свои воспоминания, или же перейдет в состояние полного слабоумия.

– Какой ужас! – воскликнула Жанна. – Вы представить себе не можете, кем была для меня Лукреция. Она – вся моя молодость, начало взрослой жизни. Я столько могла бы вам рассказать...

Все лицо ее теперь было залито слезами, и она часто подносила к глазам свой носовой платок.

– Я останусь с ней. Останусь. Должна остаться, – добавила она.

– Ну же, Жанна, успокойтесь, – сказал Вольф, слегка сдавливая рукой ее плечо. – Уверяю вас, она не настолько несчастна. И вы прекрасно знаете, что не можете остаться, что завтра уедете в Милан и через пару дней обо всем этом забудете...

Жанна зарыдала еще сильнее:

– Да, я знаю! Вот в этом-то и весь ужас!

Она выражала свое горе так громко, что в конце коридора открылась дверь и появилась американка из пятидесятого номера в пижамной куртке и с голыми ногами. Убедившись в том, что ее было достаточно хорошо видно, она прыснула от смеха и закрыла дверь.

– Таких можно встретить во всех отелях, – сказал Вольф.

Он приблизился к Кармеле.

– Тебе было когда-нибудь страшно с графиней? – спросил он девушку на ломаном итальянском.

– О нет! – ответила Кармела. – Она играет в свои воспоминания. Если бы у меня они были столь же красивыми, я думаю, что поступала бы точно так же, как она.

Вольф попросил Жанну перевести ответ девушки.

– Эта девочка умнее нас, – сказал он. – Она только что преподавала мне урок, в двух фразах выразив то, что я пытаюсь напыщенно втолковать вам в течение десяти минут... Да, в общем-то, разве все мы не занимаемся лишь тем, что разыгрываем друг перед другом и перед самими собой спектакль, для того чтобы создать иллюзию того, что мы живем? То неравенство между поведением, которое мы называем нормальным, и умственным расстройством – не является ли оно сообщничеством? Разве мы с вами, Скрявин, Паламос, Барбара не являемся в некотором смысле бредящими притворщиками?

Он опустил голову и на несколько секунд погрузился в раздумья.

– Так ли это... – пробормотал он.

Он стоял на грани того, чтобы высказать важные вещи, и его одновременно раздражало то, что он чувствовал, как мысль его сбивалась на проторенный простой путь, клонилась в сторону удобных и привычных выводов, приближенных сравнений.

– Главной функцией человеческого существа является функция представления. Но представления чего или кого?

Жанна сунула в руку Кармелы две тысячи лир и потянула Вольфа к лестнице, говоря на ходу:

– Если бы вы могли рассмотреть как следует то, что вам доступно... А вы ничего не видите. И удовлетворение получаете только тогда, когда заставляете страдать... да и это случается не столь уж часто.

Машинка Марио Гарани продолжала звучать в тишине ночи, словно далекий сверчок. Подвешенная к потолку лампочка заливала коридор желтоватым светом. Прижавшись к стене затылком, Кармела позволяла времени продолжать свой бег, не замечая этого и не боясь. Внезапно она почувствовала тепло в сердце и какое-то озарение. Она резко выпрямилась. «Я люблю синьора Гарани. Именно его!» – сказала она самой себе. И ей стало страшно оттого, что произнесла она это вслух.

Осторожными шагами приблизившись к двери номера пятьдесят семь, она долго простояла рядом, одновременно обрадованная и подавленная тем, что с ней происходило. Потом, когда машинка умолкла, Кармела вдруг почувствовала, что ее дыхание тоже остановилось. И она убежала в свою каморку.

Часть вторая

Глава I

В этот час жара брала над Римом верх.

Весь отель дремал в полной тишине. В комнатах, в тени опущенных штор, было относительно прохладно.

– Я не помешаю вам, доктор? – спросила Кармела.

Марио Гарани сидел за своим рабочим столом, запустив пальцы в волосы.

– Да... – прошептал он.

– Тогда я приду в другой раз. Прошу прощения.

– Раз уж зашла, говори. Так в чем дело?

– Я хотела бы узнать, сколько это могло бы стоить... – ответила она, вытаскивая из-под фартучка толстый пожелтевший пакет.

Он взял пакет, извлек пачку плотных хрустящих бумаг и развернул их.

– Откуда у тебя эти акции? Чьи они? – спросил он удивленно.

Это были акции на предъявителя Генеральной компании «Конголезские рудники». Они были отпечатаны на французском языке черными буквами на светло-зеленой бумаге с рамкой из листочков. На них стоял год выпуска: 1909.

– Они принадлежат графине, той даме из пятьдесят седьмого номера, – ответила Кармела. – На днях она рассматривала фотографии. Снимки картин, где была изображена она начиная с юных лет. Вот никогда бы не подумала, что может существовать столько портретов одного и того же человека! Их там было не менее сорока. Она сказала, что после ее смерти они все будут переданы в музей. А потом из чемодана выпал вот этот пакет, и она сказала: «Однако у меня их было несколько!» Потом пояснила, что их дал ей некий Ван Маар. Я уже не знаю когда. И что в колониях это должно быть в цене. Вот я и пришла к вам узнать, нельзя ли их продать?

– Тебе сама графиня поручила заняться этим?

Кармела опустила свои красивые ресницы. Под здоровым естественным цветом лица краска смущения осталась незамеченной.

– Она их мне подарила, – ответила она вполголоса. – И сказала, что я могу делать с ними все, что захочу, поскольку завещание уже составлено и что это – для меня. Но ведь у нее самой ничего нет. Она снова не может платить по счету. И если ее отсюда выселят, я не знаю, куда она пойдет...

– А почему ты обратилась именно ко мне? – спросил Гарани.

Девушка смутилась еще сильнее:

– Потому что... потому что... вы, вероятно, знаете так много, иначе бы вы не могли столько писать, сколько пишете... Да и к тому же я не доверяю администрации отеля...

Она ведь не могла ответить ему прямо: «Я обращаюсь к вам, потому что вы представляетесь в моих мечтах именно тем мужчиной, с которым я вхожу во дворцы или сажусь в самолеты. У этого мужчины ваше лицо... Потому что я люблю вас, хотя вы об этом и не догадываетесь... Потому что у меня наконец-то появилась возможность поговорить с вами о чем-то другом, кроме как о сдаче ваших вещей в чистку. Я так долго ждала этого момента».

Он встал. Никогда он не казался Кармеле ни таким высоким, как в этот момент, ни таким красивым, когда она увидела очень близко его светлые, чуть удлиненные к вискам глаза, его черные волосы, растущие низко на шее, его широкие худые плечи, расстег-

нутая рубашка. Измятые задранные брюки приоткрывали худые щиколотки и поношенные ботинки из желтой замши на низком каблуке.

Он потянулся и почти коснулся потолка поднятыми вверх руками.

– Деньги... – сказал он. – Всегда эти дерьмовые деньги... Всегда одно и то же и та же самая одержимость владеть ими... Все только о них и думают...

Подойдя к окну, он толкнул ставни. Над раскаленными крышами воздух дрожал, словно мираж.

Внизу и чуть подальше, в садике на террасе, в тени зеленых ветвей, расцвеченных красными цветами, лежала парочка.

Дрожащим от волнения голосом, словно она произносила ужасно смелые слова, Кармела промолвила:

– У этих людей, там, внизу, счастливый вид.

– Это оттого, что ты видишь их издали, – ответил Гарани.

Она незаметно приблизилась к нему, но он, казалось, не обратил на это никакого внимания. Он размышлял. Все шло не так, как того бы хотелось Кармеле.

Видно, сегодня он не спросит ее ни где она родилась, ни чем любит заниматься в выходные дни. Он, конечно, не обратил внимания на белый воротничок, который она пришила к платью, на то, что она была прекрасно причесана и что брови у нее были аккуратно подровнены. Он вел себя так, словно ее и не существовало; и для нее было хорошо уже то, что он не выставил ее за дверь, и это было все, на что она имела право надеяться. А ведь если бы он взял ее за руку, даже не говоря ни слова...

– А что, графиня часто разговаривает с тобой? Она все еще продолжает притворяться, что живет в другом времени? И продолжает посылать письма людям, которых уже нет в живых? – спросил, обернувшись, Гарани.

– Она не притворяется, – ответила Кармела. – Дело тут в другом, доктор. Я не могу объяснить, но дело совершенно в другом. И не надо над этим насмехаться.

И она стала сбивчиво рассказывать обо всем, что знала. В голосе ее было столько убежденности, что молодой человек дал ей возможность выговориться и ни разу ее не прервал. Слушая Кармелу, он закурил, вспоминая рассказы Нино, трактирщика с улицы Боргоньона. Он вспомнил также о том, что совсем недавно наткнулся на имя Санциани в мемуарах, посвященных началу века. И та, которую он при встречах в отеле про себя называл «старой безумицей», никогда не обращая на нее никакого внимания, внезапно вызвала у него интерес и поднялась в его глазах в сочетании с прошлым блеском, сегодняшним упадком и блужданиями в бесконечных переулках памяти как некая трагически великая фигура. «Целых шесть месяцев я живу всего в нескольких шагах от этой женщины, – думал он с упреком к самому себе, – и даже не подумал обратиться к ней. Это ж девчонка открыла мне глаза».

Он почувствовал, как в нем пробуждается странное смешанное чувство нежности и любопытства, столь свойственное людям пишущим, для которых наблюдение за себе подобными представляет наипервейшую пищу для творческого воображения.

– Хорошо, я все выясню, обещаю тебе это, – сказал он наконец, указывая на «Конголезские рудники». – Я справлюсь в моем банке. Может быть, это уже ничего не стоит, а может быть, стоит многого. Я тебе скажу, как узнаю.

– О, спасибо, спасибо, доктор, – произнесла Кармела.

Она хотела было сделать движение, выражающее наследственную покорность, – взять его руку и поднести ее к своим губам, но вовремя спохватилась.

Выйдя из комнаты, она некоторое время оставалась в недоумении, не зная, должна ли она считать себя счастливой или разочарованной. «Если он сможет раздобыть хотя бы немного денег для графини, я в любом случае поступила правильно», – решила она для себя.

Глава II

Через несколько дней после этого, зайдя вечером к Санциани, Кармела с удивлением обнаружила в ее комнате Гарани, удобно устроившегося в кресле, закинув ногу на ногу, и с сигаретой во рту. Он сделал Кармеле знак не двигаться.

Стоя посреди комнаты в своем черном кружевном дезабилье, Санциани говорила:

– В мастерской мне нравится этот запах леса, этот аромат папоротника, который приходит сюда с глиной. Мне нравится видеть тебя с перепачканными в глине руками. Ты напоминаешь мне Бога из Библии, занимающегося творением Земли и ее тварей... Мой большой друг Эдуард Вильнер говорит, что скульпторам и художникам повезло больше, чем писателям, поскольку они могут работать в присутствии других людей.

Она принялась расхаживать кругами по комнате.

– Я люблю разглядывать все эти слепленные тобой бюсты, эту необычайную комедию выставленных на полках пороков и добродетелей... Я обожаю твоего нотариуса из Вероны, просто обожаю... А этот кардинал Пальфи, он просто великолепен... смесь великого и коварного, благородство крови и подлость души... А бюст Лидии – просто шедевр!

Она вдруг перевела свой взгляд на Гарани.

– А знаешь, на кого ты сам похож, Тиберิโอ? – спросила она и сама же ответила: – Я только что это поняла в связи с тем, что ты заговорил о писателях. Ты похож на Мопассана... Нет, я с ним, конечно, не встречалась. Хотя могла бы, поскольку в мой первый приезд в Париж он был еще жив... Но ты очень похож на его портреты: та же широкая шея, те же густые черные волосы...

Гарани инстинктивно повернулся к зеркалу, но тут же услышал:

– У тебя такие же густые усы, ты производишь то же особенное впечатление большой физической силы, которое исходит от тебя и, должно быть, исходило от него.

Машинально проведя пальцем по своей безусой губе, Гарани подумал: «Существо, которого она видит перед собой, всего-навсего манекен, болванка, на которое она вешает то лицо, которое ей хочется».

Она же продолжала кружить по комнате, подняв голову на ту высоту, где память ее расположила муляжи. На пути ей попался стул, она стала медленно и ласково гладить его спинку.

– Я боюсь, что в музеях меня примут за сумасшедшую, поэтому и хожу туда только в те часы, когда там никого не бывает... Потому что не могу удержаться от того, чтобы не погладить статуи, – доверительно произнесла она. – Если бы этот торс юноши был найден в развалинах Помпей или Агридженте, он был бы описан во всех учебниках по истории искусства. Это прекрасно, как творение античных мастеров. Ты гениален, Тиберิโอ...

Гарани напряженно размышлял, стараясь вспомнить, какой же скульптор по имени Тиберิโอ достиг пика славы к 1900 году. Еще одна искалеченная славой судьба...

– ...и нет необходимости ждать, пока ты умрешь, чтобы сказать это, – продолжала она, понизив голос. – Гениальность – это одно из тех редких явлений, которые я могу узнать безошибочно. Нам не надо скромничать друг перед другом... Меня лепят и рисуют самые великие художники моего времени. Каждый из них, увидев меня, непременно просит, чтобы я ему позировала. Да, я пришла тебе показать...

Она открыла потертый дорожный буюар и извлекла оттуда пачку фотоснимков, которые разложила на столе. Гарани придвинулся поближе. На всех фотографиях с надорванными и загнутыми краями были сняты ее портреты, написанные на протяжении всей ее жизни. На пожелтевшей от времени фотобумаге была изображена она, Лукреция Санциани, выглядевшая сорок раз другой, но всегда необычайно красивой, начиная с девчонки

с длинными золотистыми волосами, нарисованной Хеннером в профиль на темном фоне в конце прошлого века. Она же была той амазонкой с борзыми, написанной в стиле Каролюса-Дюрана, она в шляпе с перьями, она в стиле Родена с чуть длинноватым подбородком, она же с восхитительными плечами и украшенной бриллиантами шеей, в зимнем саду на картине Альбера Бенара, она – императрица Камбоджи на бале-маскараде, она – розовощекая спящая красавица, эта женщина на эскизе Писсарро, она – супруга дожа на фоне Большого канала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.